

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

ВОЛЧЬЯ

ХВАТКА-3

Волчья хватка

Сергей Алексеев

Волчья хватка-3

«Алексеев Сергей»

2013

Алексеев С. Т.

Волчья хватка-3 / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей»,
2013 — (Волчья хватка)

«...Ражный ждал, вскинув голову, как ждут казни под вознесённым топором на плахе. Старец приблизился к нему и посмотрел сверху угасающим, мутным взором умирающего орла. Тяжкие свои посошки в руки отрока вложил – плющит ладони, но ещё терпимо. Потом свалил с плеч грузную котомку, кое-как извлёк свёрток из белёной холстины, сделал рывок и возложил на грудь. Малый на вид, он оказался таким тяжким, будто чугунной плитой придавило – дух не перевести и слова не сказать! Ослаб же, облегчённый, невесомый, побрёл назад, в дубраву, не касаясь земли. Казалось, чуть оттолкнётся ногами – и воспарит. Но его безвольные руки напоминали распущенные крылья одряхлевшей птицы... Ражный проводил старца взглядом, кое-как раздышался. – Что он на грудь положил? – прохрипел. – Будто камень... Белая Дива развернула холстину. – Это тяжелее камня. Это Книга Нечитаная...»

© Алексеев С. Т., 2013

© Алексеев Сергей, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Алексеев

Волчья хватка-3

Глава 1

Ловчие иноки много ночей с табуном жили, спали с лошадьми, в бане не мылись, и так пропитались потом, что за версту разило. С сумерками ещё и навозом натирались, дабы окончательно отшибить запах человеческий, и всё одно волк людей вынюхивал. Порыщет около, попугает из призрачной белёсой тьмы, встревожит табун, вынудит сбиться в плотный круг, защищая молодняк. И так до восхода куражится, стервец, не даёт кормиться!

Сеголетков зверь не трогал, к жеребцам и близко не подходил, невзирая на их стать; норовил кобылиц отбить, угнать, причём молодых и справных. Ровно толк знал в лошадях, и не резал, не рвал мяса, крови не вкушал, чтоб насытить утробу, – будто для неких иных нужд похищал!

Было чему дивиться.

Сколько раз потом ходили следом, лес прочёсывали частым гребнем, выстроенным из послухов и черноризников. Ни кобылиц, ни следов пиршества, ни матёрого, ни логова! Будто из-под земли является разбойный зверь и туда же уходит вкупе с добычей. Пока стерегут, близко не подойдёт, круги нарезает поодаль, но стоит на ночь без караула оставить либо стража заснёт, тут непременно и выскочит, сатана. И опять за ночь одной-двух молодок недосчитаешься. Эдак-то весь монастырский табун изведёт!

Думали уж, блазнится пастухам и не волк это – радонежские разбойные люди шалют либо ордынцы, прибегая из своих баскачьих становищ. Хаживали к тем и другим, по уговору в полях и дворах всех коней озрели, на дальних и ближних торжищах приглядывались, на дорогах перехватывали – ни единой кобылки не сыскали. А у монастырских лошадей шеи, таврэнные косым крестом, знака не вывести, да и породы не спрятать, всего-то две масти – гнедые да соловые.

Ровно в преисподнюю сводят коней!

Игумен Сергей уж самых дошлых ловцов посылал в надзор. Иноки засидки устраивали на подступах, живым поросёнком заманивали, на волчьей тропе даже ловчую яму копали, да всё ему нипочём. Будто потешается шалый зверь над божьими людьми! И вот тогда настоятель Троицкой пустыни отнял от важного ремесла на дору мужающего гоношу Кудреватого, велел пойти в ночное и низвести озорного конокрада. Невзирая на молодость, отрок не только в ратном деле преуспел; в ловчем промысле сведомым слыл, ибо с детства впитал отеческое ремесло. Добыть матёрого ему по нраву и славе бы пришлось.

– Добро, отче! – вдохновился и не сдержал хвастовства гоноша. – Тебе его как доставить? Шкуру или живого да сострунённого?

– Да хоть в шкуре, хоть без, – не внял бахвальству Сергей. – Токмо гляди, свою побереги. Для иного дела сгодится.

Кудреватый в Радонеж сбегал, там отыскал на хозяйских дворах матёрую суку в охоте, испросил милости:

– Не баловства ради, пользы для! Прости, Боже!

Поймал собаку, течкой сапоги намазал, после чего на палку их и через плечо, да в ночь, босым на монастырское пастбище. Стражников в обитель отослал, один с табуном остался и при себе только кнут о трёх колен, петли верёвочные да засапожник малый. Обулся, по-волчьи нарыскал окрест поля, заячью сметку сделал и у своего следа затаился. Дошлый сын ловчего

ведал: гон у волков в феврале, однако зверь охочую суку в любое время не упустит, непременно нюхом возьмёт, настигнет и не побрезгует огулять.

До рассвета табун пасся преспокойно, а тут забрезжило, и кони запрядали ушами, заржали тревожно. Сбились в круг, жеребцы задом к супротивнику встали, дабы зверя отлягнуть, кобылицы с молодняком внутри сгрудились.

Знать, где-то поблизости конокрад, взял сучью течку и теперь тропит отрока.

Гоноша изготовился и видит: матёрый не польстился! Не по следу пошёл – поперёк его, и на махах да прямо в табун. Ни одним копытом не зацепило лешего, между ног сквозанул. Лошади порскнули в стороны, разорвали оборону, и волк прыжком к заранее высмотренной кобылице. Та со страху в самую гущу, крик, ор, переполох в конском племени! Иных не трогает, а её гоняет по кругу, ровно пастух, то ли забавляется и куражится так, то ли азартом себя распалает. Отрок уж думал, сейчас зверь нарушит свой свычай, сделает хватку, вырвет клоч из промежности, и рухнет раненая молодка. Но матёрый порезвился да заскочил ей на спину! В гриву клыками вцепился, и кобылица понесла серого наездника.

Сведомый волчатник на минуту оторопел от эдакой прыти, сразу и опаматоваться не смог, про осёдланного коня забыл, да отважный, с кнутом в середину табуна пешим ринулся.

– Выходи супротив! Силой померяемся!

И опоздал. В рассветном тумане лишь конский хвост мелькнул, распущенный по ветру, – верхом ускакал разбойный зверь.

Тут послышался отроку хохот. Громогласный, надменный, торжествующий, истинно человеческий! Ровно над ловцом потешался серый конокрад.

Гоноша, однако же, пришёл в себя, прыгнул в седло и на резвом жеребце ему вослед. И настиг скоро, среди поля. Покорившаяся волку кобылица шагом шла, всадник верхом сидел, как человек. И ещё лапами передними подбоченился! Кудреватого зазнобило от страха, но и здесь не сплеховал, налетел сбоку, изловчился и стегнул верхового зверюгу кнутом. Ударом валким, по месту уязвимому, убойному – в подбрюшье. Всякого серого от подобного щелчка в крючок загибает. Тут же раз, другой: не прохватывает, хоть бы дрогнул! Кобылица больше испугалась свистящего кнута и опять в галоп. Тогда отрок в третий раз достал, уже в отчаянии – вкось, по ушам. Рукой ощутил, как влипает в плоть туго, с гранью плетённый кнут. Шкура волчья полопалась, раскрылась на ремни, затрепетала на ветру, однако и капли крови не выступило.

Родитель отрока с одного удара засекал волка, уязвлённый зверь юлой вертелся потом на земле, норovia вырвать боль зубами. Голыми руками бери да сострунивай.

И всё же матёрый огрызнулся, с кобылицы нехотя соскочил, да не бросил добычу. Оказавшись позади, гнать стал, ровно пастуший пёс: только что не лает, молча скачет, серым сполохом стелясь по земле, лишь клочья шкуры трепещут. Отрок в азарте своего коня по брюху сомкнутой плетью вытянул, раззадорил на длинный мах, жеребец летит – по земле стелется, но всё одно не догнать. Не достать и кнутом, пустив его нахлыстом, – аршина не хватает!

Дьявол, не зверь!

К тому же кобылица то ли вперёд унеслась, то ли незаметно порскнула в сторону и пропала в белёсых дымчатых сумерках. А волку нет бы в лес и скрыться; крутит по полям да лугам, где чисто да просторно, по прямой идёт, словно дразнит! Однако гоноша не отстал от зверя, попробовал издали отстегнуть лапы разбойнику. На короткий миг настигал, выстреливал кнутом разящую, железом калёным жалающую петлю. И опять будто доставал! Но зверь и разу не припал, не замедлил бега.

Утренний туман обманчив, как призрак, лохматый воздух шаткий, лживый. Вот уж край поля лесной волной накатывает, где и вовсе не настигнуть волка. Отрок уж до крайности разогнал коня, лёг на его шею и взвил свистящий кнут. Но в тот же миг матёрый на полном скаку обернулся и ровно молнией ожёг раскосым взором!

Жеребчик споткнулся, припал на все четыре – всадника из седла будто ветром смело. Несколько сажень кувыркнулся, затем скользил по росистой траве, словно по водной глади. Когда вскочил на ноги, вновь услышал из тумана самодовольный, улетающий хохот.

А загнанный жеребец через голову опрокинулся и шею себе сломал, пока отрок бежал к нему – и дух из него вон!

Вернулся Кудреватый ни с чем, стыдобница, как опростоволосился. Но по уставу перед Сергием повинился, да и рассказал, как дело было. И про то, как хохот ему поблазнился, не утаил.

– Верно, не зверь – сила нечистая, – добавил смущённо. – Дьявол в волчьем образе. Оглянулся, глазами зелёными ожёг, конь у меня споткнулся на полном скаку!

Настоятель на сей раз внял, да только виду не подал. И ничего более с отроком обсуждать не стал, отправился в келью отшельника.

Искалеченному схимнику было на вид немного за полсотни лет от роду, но когда ещё в отрочестве будущий настоятель Троицкой пустыни встретил его в дубраве, Ослаб на вид таким же казался и называть себя велел старцем. Правда, тогда он был ещё не увеченный и ростом чуть ли не вдвое выше, в плечах сажень. Ослаб не просто коней любил, имел над ними власть беспредельную и чудотворную. Варфоломей, а Сергей в миру, когда-то такое имя носил, в отроческом возрасте отцовских лошадей искал. Все поля и леса прорыскал близ Радонежа – нет нигде. Думал уж, татары угнали, закручинился и домой пошёл, но богатырского вида старец этот на пути встретился. Ну и вы спросил об отроческом горе, а затем на холм указал:

– Вон твоя пропажа! Варфоломей глянул, и верно, отцовские кони пасутся! А мгновение назад ещё не было.

– Откуда же они взялись? – изумился. – Все окрестности обежал и озрел...

– Озрел, да не узрел... Гони лошадей домой и приходи завтра в дубраву. Очи открою и смотреть научу.

Так они и подружились. Это уж когда вдруг орядь старец ослабленным явился, иссох, извял, ссутулился и в чёрные одежды обрядился, будто бы схиму принял. И всюду ходил с посошками, на вид деревянными, лёгкими, чтоб равновесие держать. Но однажды игумен, желая помочь, хотел старцу посошки эти подать и едва от земли оторвал, настолько грузны оказались.

– Из чего же они выкованы, старче? – изумился.

– Из злата кованы, свинцом крыты.

– Зачем же эдакую тяжесть носить, коль сам немощен?

– Затем, чтоб по земле ходить, – как-то туманно отозвался Ослаб.

Отшельник ездить верхом не мог или не желал, но с некоторых пор в стойле, рядом с убогой избушкой, красного коня держали лично его обихаживал. Жеребец был велик статью, красив на загляденье, да нрава дикого, звериного, потому не объезженный. Старец когда-то укротил его, узду надел, поставил в стойло, от чужих глаз подальше, и сказал при этом:

– Кто выведет сего коня хоть задом, хоть передом, того и будет.

Келейку выстроили настолько тесную, что жеребцу никак не развернуться, пятиться же задом красный не мог, изъян у него таков обнаружился. Многие сметливые послухи, что с лошадьми управлялись, пробовали, да войти не могли, лягался зело.

Пришёл игумен к старцу и говорит:

– Волк повадился кобылиц красть. Не режет, не рвёт, ровно тать угоняет. И не сыщешь потом. Неведомо, как и сладить с лихоимцем.

Ослаб словно и не услышал, созерцая, как горит лучина на светце. Сергей подождал, зная его нрав, – ответа не дождался:

– Что посоветуешь, чудотворче?

– Сам искал? – не шелохнувшись, спросил старец. – Смотрел в поле?

– Сам не искал, – признался игумен. – И не смотрел, на послухов да араксов положился.
– А ведь я учил тебя, очи отворил... Все наши заблуждения от слепоты духовной. И опять умолк. Игумен ещё подождали добавил словами отрока:

– Похоже, не зверь это – сила нечистая. Оборотень. И словно пробудил отшельника.

– И суеверия от слепоты, – сурово отозвался он. – Нечистой силы на свете нет. Всякая сила на земле от Бога. И оборотней тоже нет, досужий вымысел... А вот конокрады сведомые бывают. Встречал в Дикополье таких. Нарядятся в волчью шкуру и промышляют. Отсюда ис сказки про оборотней пошли.

– Да ведь, старче, худое утешение. Зверь ли он, человек ли – всяко разбойник! Задумчивый, немощный старец к посошкам своим было потянулся, встать хотел. Однако вдруг встрепенулся.

– А разбойный ли?.. Может, учёный? Или ражрый?!

– Это какой – ражрый? Пригожий, что ли?

– Такого пригожего не извести, покуда сам охоту не потеряет.

– Теперь и управы не сыскать?

– Искусить надобно, – поразмыслив, Ослаб кожаную котомку свою развязал. – Испытать. И след бы непременно живым взять. Давно ражрый конокрадов не видывал. В этих краях так и вовсе их не бывало ещё... На-ка вот безделицу. Брось на волчьем следу.

И вынув тряпицу, развернул. Тут игумен засапожник узрел, старинный, с лезвием причудливым, как луна ущербная. И остёр – глазам смотреть больно, душа трепещет. А ещё диковинней рукоять! Вместо неё три кольца серебряных, искусно кованных, золотым узорочьем обвитых: просунуть пальцы, так и не поймёшь, то ли оружие в руке, то ли прикрасы. Да так ловко придумано и сделано! Сергей сам испытал засапожник в деснице и доволен остался: не снимая ножа, можно и меч держать, и копьё метнуть, и из лука стрелять ничуть не мешает!

– Кузнецам покажу! – восхитился. – Пусть откуют подобные! Да араксам раздам, нехай овладеют.

– Ты прежде зверя сего излови, – посоветовал старец. – Да поставь передо мной. И гляди, чтоб иноки не искалечили. Впрочем, коль в самом деле ражрый, то ему ничем не навредишь...

Игумен вернулся в обитель, передал отроку наперстный нож, наказ старца, и что делать, научил. Да ещё спросил, приходилось ли ему или родителю слыживать о ражрый конокрадах, кто в шкуру волчью рядится.

Кудреватому было не до воспоминаний и рассуждений – ни быть ни жить ему стало, дай только оправдать отеческое учение ловчому ремеслу. Отрок лишь отрицательно головой помотал, прихватил с собой двух иноков с деревянными рогатками, сетями – и на пастбище. Там бросил засапожник на звериную тропу, сел в засаду, но разум сомнениями терзается. С какой стати матёрый на диковинный засапожник искусится? Коль зубаст и клыки опаснее ножика? Не человек же, чтоб с заманчивыми вещицами баловать.

Должно быть, чудит старец...

Сидят иноки, слушают ночь, зевота одолевает. Под утро притомились, задрёмывать стали, но тут кони встревожились, стяхнули морок. Ловцы сети распустили, рогатки изготовили и дышать не смеют. В сумерках серая тень мелькнула между кустов: безбоязненно идёт конокрад, только ноздрями воздух потягивает! Вроде бы учуять должен людей, ан нет! Встал перед ножиком и, словно перед соперником, задними лапами землю взгрёб, ощерился, заворчал. Прав был старец, искусился разбойник при виде наперстного засапожника! Что уж там зверю мерещится, не суть, главное, прежнюю осторожность и хитрость напрочь утратил!

Ближний иннок чуть поспешил, метнул ловчую сеть, да мимо, на кустах завесил. Однако волк словно и не заметил, рычит и на ножик крысится, лапой схватить норовит. Другой помощник не растерялся, всё же накрыл сетью, а Кудреватый выскочил из укрытия и плетью ноги подсёк. Иноки дело знали, пришили зверя рогатками. Тот будто страх звериный потерял

и, как человек, к засапожнику всё ещё тянется! То ли схватить хочет, то ли к себе подгрести да насадить на клыки, как на персты.

Ловцам и вовсе чудно стало до озноба колючего. Однако ремесло своё знали, отрок струну в пасть загнал и удавку на морду набросил. Подручные тем часом лапы скрутили, потом слегу вырубил, повесили, как всякую ловчую добычу вешают, да концы к двум осёдланным коням приторочили. Сами на лошадей да скорее на подворье, игумену улов явить. Впопыхах гоноша забыл наперстный нож с земли поднять, и уж далековато отъехали, прежде чем вспомнил.

– Скачите вперёд! – крикнул инокам. – Подниму засапожник и догоню!

Примчался к тропе, где зверя вязали, а там туман сгустился, в небо потянулся – к дождю. Да ещё по этому месту вспугнутый табун пролетел, сразу не отыскать ножа. Спешился, побродил кругами и чуть только ногой не наступил. Лошади его копытами в землю вбили. Достал, отчистил и себе за голенище – да опять в седло. Едет наугад, шерстистый туман в лицо бьёт или по низинам вскипает, словно молоко, пеной на бороде и космах виснет. Редкостная заволока тем утром случилась, и заплутать в поле недолго, однако жеребец чует коней впереди и сам несёт по следу. Да отчего-то всё фыркает и порскает в одну, другую сторону, словно седока норовит сбросить. Верно, от волчьего духа бесится.

Наконец молочную пелену вскинуло над землёй, померкла заря на востоке. Но зато открылся вид, и отрок позрел ловцов впереди. Считай, догнал, в десяти сажнях передом скачут, коней с добычей подводными ведут. Кудреватый сдержал жеребца, чтоб не будить в нём лиха звериной вонью, и тут узрел: на слеге-то не волк висит – молодец сострунённый! Нагой совсем, в чём мать родила, и только космы на голове развеваются.

Оторопел на миг гоноша, проморгался – нет! Не зверь, человек, и весьма юный, телом невелик, сам словно из тумана соткан...

– Эй! – закричал братии, забыв имена. – А разбойный зверь-то где?! Куда дели?!

Те же неслись без оглядки, однако на голос завертели головами, сдержали коней. Кудреватый подъехал, глазам же всё ещё не верит, дотянулся и на ходу рукою молодца пощупал: тёплый, живой, под тонкой кожей сырые да мокрые жилы, ровно кремнёвые желваки ходят. И хоть бы шерстинка на теле! Если не считать густого юношеского пуха на лице.

Иноки вовсе встали и тоже таращатся на молодца, рты разинули.

– Где добыча? – всё ещё пытал их отрок, сам немало дивясь. – Проворонили волка, олухи!

Отроку дай только покуражиться над старшими, над иноками бывальыми, тем паче заслуженно, поделом.

Тут один из ловцов отшатнулся так, что и конь под ним попятился.

– Оборотень! С места не сойти – волкодлак!

Кудреватый склонился пониже над молодцем: в подбрюшье у него два багровых следа, третий затылок расчеркнул. Да и по лодыжкам попало, когда уже под сетью с лап валил...

– Не промахнулся! – заметил с дрожащей гордостью. – А как на рану крепок!

Ловцы дар речи утратили, стоят, глазами хлопают, оторопь берёт. Они вдвое старше были, поэтому Кудреватый от вида оборотня сник и теперь будто защиты у иноков просил:

– Что делать-то станем, братия? Слыхом слыхивал, видом не видывал...

– У нас оборотней конями рвут, – наконец-то подал голос один. – Сразу, как обернётся...

– В моей стороне – деревьями, – настороженно отозвался другой. – Берёзы сгибают и к ногам вяжут. И чтоб до восхода поспеть...

А притороченный молодец ворохнулся, сам приподнял голову и замычал сквозь прикушенную струну. Взор ещё волчий, зелёный, да глаза уже кровью наливаются. Ловчий гоноша отвернулся, дабы чертовщиной не бередить душу.

– Нам-то как поступить?

Лукавые иноки лишь переглянулись, скуфейки на брови надвинули:

– Охота под твоим началом, тебе и рядить, отрок.

– Добро, свезём игумену! – решил Кудреватый. – Велел во всяком виде доставить, живого и не увеченного.

Оборотень попытался струну выплюнуть, но хитрая удавка лишь туже смыкала челюсти. На сей раз не мычал, зарычал по-волчьи, сказать что-то силился.

– Тогда едем скорей! – всполошились иноки. – Покуда солнце не встало!

До подворья полверсты оставалось, однако пока скакали, оборотень вязки на руках ослабил, на ногах ремни почти уж рассупонил, того и гляди вырвется. Сняли со слёги, затянули узлы потуже, поперёк седла положили, да ещё руки и ноги под конским брюхом сырмятиной стянули. Так и въехали на подворье. А пленник дошлый, стал ремень на запястья накручивать и тем самым настолько сдавил грудь лошади, что дыхание у неё перехватывает. Сам худ, но силища в руках явно не человеческая! Жеребец уж хрипел и качался, когда миновали ворота обители, бока ходят – роздыху нет. Ещё немного, и задавил бы коня на скаку!

Однако в монастырском остроге разбойник осмотрелся и присмирел вроде, особенно когда увидел игумена с братией, вышедших ловцов встречать. Размотал сырмятину с рук и обвис.

Кудреватый спешился – и к настоятелю, да с ходу ему выпалил, дескать, изловили волка, он же человеческий образ принял – оборотень! Сила нечистая!

И тут пленник дубовую струну толщиной в вершок перекусил! Выплюнул и не волком зарычал – ругаться стал, голосом гоношистым, ломким, петушиным:

– Псы вы долгогривые, а не иноки! Зенки-то свои разуйте, кого споймали! Сами оборотни! С виду ангельского чина, а под рясами шкуры волчьи! Будто не знаю вашего нрава лукавого!

Сергий с лица сменился, подступил к дерзкому отроку – у того ещё пух на щеках, ровно у птенца неоперённого.

– А ещё что знаешь? – спросил, однако же, смиренно.

– Да всё про вас ведомо! Молельниками прикидываетесь, с крестами ходите! Аллилуйю поёте. На своих же тайных ристалищах мечами машетесь да ножами пырываетесь! И рычите по-звериному. Или кулачной силой меряетесь или, за кушаки схватившись, дерётесь вместо любви братской. Имя ваше известно: не монахи вы – араксами меж собой прозываетесь!

Послушал такое игумен и попытать вздумал конокрада, страху навести, дабы с испугу признался, кем заслан монастырские тайны выведывать.

– Порвите его конями, – велел он и отступил. – Больно уж глаз лихой и язык долгий.

Ловчие иноки сначала к ногам верёвки привязали, концы к сёдлам приторочили. И лишь потом связующие ремни пересекли и, сдёрнув конокрада на землю, натянули постромки. Рвать с ходу не стали, более приготовлениями пугали, выжидали милости игумена и всё назад озирались. Но конокрад, поверженный и распятый за ноги, дерзости своей не укротил, пощады не просил; напротив, ещё пуще взъярился, засветились волчьи глаза цепенящим зелёным огнём:

– Добро, а давай потягаемся! Рвите!

Выгнулся, ухватил лапищами своими ножные растяжки. Иноки, должно быть, не только сведомыми были в ловчем промысле, умели и казнить, как принято в степном Дикополье. Сдали назад, ослабили верёвки и, резко пришпорив коней, взяли с места в галоп, в разные стороны и на рывок. А конокрад вдруг выдохнул громко да в свою очередь дёрнул постромки на себя. Вроде и не шибко, словно балуя, однако оба коня рухнули набок, чудом не задавив седеков.

Тут и Сергий его хохот услышал. И будто взбеленился, возгневался:

– О пень рвите ирода!

Павшие лошади вскочили, ушибленные всадники, кряхтя, сёдла поправили, сели верхом и уж было повезли оборотня по двору галопом, пропуская между собой листовяжный высокий

пень. Ещё бы миг, и впрямь порвали, но тут на пути возникла невысокая фигура старца в холщовом вольном подряснике, с двумя посошками. Шёл калеченный, едва полусогнутыми ногами перебирая и никак воли своей не выказывая. Однако кони разом осадили прыть, встали и словно в стену уперлись.

Конокраду три сажени оставалось до пня ехать.

Отшельник редко являлся из келейки своей, тем паче на глазах братии. Многие думали, увеченный старец и ходить-то не может; тут же явился на подворье, качается, но идёт – само по себе невидаль!

Встал возле оборотня, согнулся, опершись подмышками на посошки.

– Чей будешь, гоноша? – спросил шелестящим, ветреным голосом. – Из каких далей занесло?

Разбойник пыл свой дерзостный поубавил, взор яростный пригасил.

– Ничей! – огрызнулся с заглыхающим вызовом. – Сам по себе. Вольный!

Ослаб никаких чувств не выказал, будто ничего иного и не ждал.

– Верно, признал засапожник, – заключил. – Искусился...

Конокрад верёвки подтянул к себе, снял удавки с лодыжек и на ноги вскочил. Тут сначала Сергей, за ним и вся братия подтянулась. Стоят поодаль, стригут глазами, дабы не удумал какой пакости – стрекача дать или, хуже того, напасть. Кудреватый с кнутом на изготовку...

– Пускай одёжину дадут, срамоту прикрыть, – неожиданно молвил пленник, отводя взор.

– Дайте ему покров, – велел старец. – Коль волчий утратил.

На оборотня вместо одежды дерюжку накинули. Тот завернулся и лишь тогда прямо взглянул.

– Чего вам надобно от меня?

– Из каких мест к нам прибежал? – миролюбиво спросил Ослаб. – Не видывал ещё эдаких ражных в здешних краях. Ни старых, ни малых...

Покуда нагим стоял, вроде спеси поубавилось в молодце, а тут вновь приросло.

– Ты, старче, отпустил бы меня подобру, – сказал с угрозой. – Всё одно уйду!

– За шалости кто ответит? – вмешался Сергей. – Сколько уже кобылиц свёл? Без малого две дюжины угнал!

– Пускай твои пастыри не зевают! – огрызнулся конокрад. – И труса не празднуют. А то выйду на промысел, они в кусты. Мне и забавно!

– У меня конь застоялся в стойле, – вдруг сказал старец. – Промять бы его, да никто войти не может. Выведешь моего красного?

– А скажешь, откуда наперстный засапожник, выведу!

– Скажу, выводи.

Пришли они к келье отшельника, отрок в щёлку воротную поглядел на коня и говорит:

– Звероватый у тебя конь, старче. Не видал ещё таких... Поди, лягается больно?

– Войди, так узнаешь.

– Тебе как его вывести? Задом или передом?

– Как хочешь.

Конокрад забормотал, загундосил некую припевку, крадучись, бочком проник в стойло и воротницу за собой притворил. Иноки вкупе с Сергием в догадках теряются: что старец замыслил? Постояли, послушали: оборотень что-то пошептал, конь копытами постучал, переступая, и вроде тихо. Ну и прильнули ко всем щелям. И тут вдруг передняя рубленая стенка стойла слегка пошатнулась и вылетела, ровно не бревенчатая была, а из соломы сложена. Глядь, отрок уже верхом сидит и босыми пятками пришпоривает:

– Н-но, красный! Эко застоялся!

И давай жеребца кругами окрест гонять, то вскачь поедет, то шагом или на дыбы поднимет и танцует, выхваляясь. Ослаб взирает молча, но игумену не понравилось, грозным голосом припугнуть вздумал:

– Признавайся, куда кобылиц свёл?

– Никуда и не водил, – по-ребячьи незамысловато оправдался разбойник, гарцуя на жеребце. – Порезвился да на поле оставил!

– Старче, врёт он! – возмутился Сергей. – Иноки окрестности извели – ничего не нашли!

Конокрад опять дерзить начал:

– Искали плохо. Они до сей поры в тумане и бродят... Слепошарые вы, душевидцы!

– Забавы ради кобылиц крал? – вмешался старец.

– Да ведь надобно, чтоб кровь разыгралась, конокрадство – это ведь тоже ловчий промысел! Тоскливо мне в ваших краях, одни леса кругом и монахи, не разгуляться. Да и народишко пугливый, как солевары в Дикополье. Я тут у вас затосковал, живу, ровно сей жеребчик застоялый...

Руки и ноги у Ослаба были изувечены, однако короткая и могучая шея выдавала былую мощь и удаль. Поэтому он и подавал знаки головой – кивнул в полуденную сторону:

– Знать, из Дикополья к нам явился?

Оборотень взвил коня на дыбки, наступая на отшельника.

– Из Дикополья!

– И что там ныне?

– Орда злобствует...

Старец не дрогнул, хотя копыта коня молотили воздух у самой головы.

– По какой надобности забрёл, гоноша?

Тот спешился и встал перед Ослабом, словно с повинной.

– Матушку ищу, – вдруг признался. – Бросила меня, сырым вырос, родительской опеки не изведал.

Насторожённые иноки всё ещё поломанное стойло рассматривали и диву давались. А тут как-то враз присмирели, непонимающе запереглядывались: дескать, о чём это толкует конокрад? И отчего суровый старец к нему так снисходителен? Кудреватый кнут сложил, за опояску сунул, хотя всё ещё бдел, перекрывая путь к лесу.

– В степи волчица вскормила? – продолжал участливо интересоваться Ослаб. – Вкупе со щенками своими?

– Отчего со щенками? – словно обиделся молодец. – По обычаю, кормилец и вскормил. И в род свой принял, потому стал как родитель. А у него жена была, тётка скверная, хуже всякой волчицы. Особенно как лукавые татарове хитростью батюшку заманили, споймали да руки-ноги отсекли...

– За конокрадство?

– Не солевары мы и не чумаки! У нас иного ремесла не бывало... И полно пытаться! Я твоего коня промял, старче. Теперь скажи: откуда у иноков твоих наперстный засапожник? Где взяли?

Старец смерил его взглядом, от ответа уйти хотел.

– Мой засапожник.

– Не обманешь, старче! Не твой. Где добыл? У кого отнял?

– Дался тебе засапожник...

– Да мне этим ножиком пуп резали! – воскликнул конокрад и осёкся, отвернулся.

– Ужели помнишь, как резали? – осторожно спросил Ослаб.

– Помню...

– Материнское чрево помнишь?

– А то как же! – горделиво признался конокрад. – Глядишь сквозь её плоть, а мир розовый, влекомый. Солнце зримо, только как звезда светит. Далеко-далеко!.. Век бы жил в утробе, да срок настал, повитуха пришла. По обычаю, говорит, деву на жизнь повью, парнем пожертвую. Всё же слышу... А как я родился, надо мной сей ножик занесла и ждёт знака! Верно, зарезать хотела...

– Суровы у вас обычаи! – то ли осудил, то ли восхитился старец. – И что же не зарезала? Конокрад самодовольно ухмыльнулся.

– Возопил я! Да так, что травы окрест поникли и повитуху ветром унесло. Матушка мне шёлковой нитью пуп перевязала и отсекла. Да ко своей груди приложила. Оставить себе хотела, спрятать где-нито. Так я ей по нраву пришёлся. Но по прошествии года опять повитуха явилась, забрала да снесла кормильцу.

Их неторопливый и странный разговор и вовсе ввёл иноков в заблуждение. Даже Сергей взирал вопросительно, а старец не спешил что-либо объяснять, с неожиданной теплотой взирая на разбойника.

– Кормилец такой же ражрый был?

– Весь род его, и дед, и прадед... Нам и прозвище – Ражные.

– Знать, омуженская кровь не токмо в твоих жилах течёт, – заключил Ослаб. – Весь род Дивами повязан. Это добро!

– Беда, из роду я последний, – внезапно пожаловался пленник.

– А куда остальные подевались?

– Татарове одного по одному заманили. Да и вырезали. Супротив хитрости и раж не стоит.

– На чужбине от гибели скрываешься?

Конокрад глянул с недоумённым вызовом.

– Матушкин след ищущу!.. А тут засапожник! Думаю, близко где обитает.

– Отчего же в Руси ищешь?

– А куда ей податься? Коль постарела? Все Дивы по старости на Русь идут, срок доживать. Сведущие люди говорили, да и сам чую... Ты, старче, укажи, где матушка моя. Или откуда ножик взялся. Да отпусти лучше.

– Возврати кобылиц и ступай, – вдруг позволил Ослаб. – И не озоруй более.

– Что их возвращать? Глаза пошире откройте: там же, на лугу, и пасутся.

Сергей встрепенулся, ошалело воззрился на старца, затем к уху склонился и зашептал громко:

– Нельзя отпускать! Много чего видел, слышал... Оборотно доверия нет. Сам говорит, от татар пришёл. Давай хоть на цепь посадим? Или в сруб?

И братия приглушённо загудела, выражая неудовольствие, хотя по-прежнему не понимала, о чём толк идёт. Старец и ухом не повёл.

– Иди, гоноша, – махнул бородой, как веником. – Не сыщешь матушку, так возвращайся. А сыщешь, так всё одно приходи. Она возле себя зрелого отрока держать не станет, прогонит с наказом.

Тому бы в сей миг стрекача дать, пока отпускают с миром, а конокрад и с места не сошёл.

– Про наперстный засапожник не скажешь?.. Мне бы только след взять. А чутьё уж приведёт...

Ослаб не дослушал, подманил бородой Кудреватого.

– Ножик верни.

Отрок послушаться не посмел, однако недоумённо и нехотя вынул из-за голенища нож, подал старцу.

Тот опять бородой мотнул.

– Не мне – ему отдай.

– Да ты что, батюшка? – возмущённо и громко изумился Сергей. – Виданное ли дело? Мало, потекаешь разбойнику, коня своего дал. Ещё и нож давать!..

Конокрад выхватил засапожник у послуха, насадил на пальцы и сжал кулак. Лунообразное жало хищно блеснуло на солнце, вызывая скрытое восхищение в волчьем взоре. Ослаб это заметил, добавил с задумчивым удовлетворением:

– Владей, коль признал.

А тот готов был его к горлу приставить.

– Где добыл? Скажи, не буди лиха!

Отшельник и глазом не моргнул.

– Ты сперва испытай, вострый ли ножик. Не затупился ли с той поры, как пуп резали.

– Как испытать? – гоноша на засапожник воззрился, и вновь пробудилась хищная зелень в глазах.

– Сбрей волчью шерсть.

– Да нет на мне шерсти! Звериную шкуру на себя натягивал...

– Дикий пух с лица убери – борода начнёт расти.

Отрок лицо огладил, примерился и провёл лезвием по щеке. Молодая поросль наземь облетела. Подивился, оценил остроту, но поскрёбся неумело, на ощупь, потому кое-где клочки оставил.

– Говори, старче, откуда ножик?

– Сперва ты сказывай: как имя твоё? И кем был наречён?

Оборотень несколько смутился.

– Помню, матушка звала Ярмил, ещё во чреве... Так имя и приросло.

– Ярмил, говоришь? – старец помедлил, верно вспоминая что-то. – Ну, добро... А год от рождения какой?

– Не помню точно. Кормилец сказывал, семнадцатый пошёл, как меня принесли...

– Похоже, год прибавил... Ну да не важно. Отныне нарекаю тебя Пересветом.

– С какой бы стати? – Ражный встрепенулся. – Мне свычней Ярмил!

– Вырос ты из имени своего, ровно из детской рубашки. Всюду коротко... А новое даю на вырост.

Оборотень вдруг интерес потерял.

– Мне всё одно, хоть горшком назови... Матушка меня под иным именем помнит. Ты лучше мне ответь: откуда засапожник?

– В дар достался, – просто признался старец и переступил немощными ногами. – В утешение. Тебе наперстным засапожником пуп резали, а меня калечили... Ну, довольно, коня моего возьми себе, коль вывел, и поезжай.

– На что мне конь? Вот если бы крылья дал!..

– Покуда тебе и коня необъезженного хватит. наших кобылиц отпусти и поезжай, куда хочешь.

Оборотень волчьим махом заскочил на красного жеребца, взвил его на дыбы и ускакал не дорогой – лесом, оставив на кустах дерюжку.

Сергей от негодования на минуту дара речи лишился.

– Не уразумел! – наконец-то признался звенящим голосом. – Ты почто, старче, отпустил вора? Он наши скитские ристалища прорыскал! Потешные бои зрел!.. Ежели выдаст?!

Ослаб помедлил, проговорил нехотя:

– Ражных проще отпустить, нежели неволить. Позрел, что со стойлом сотворил? Дурная сила, пустой ещё отрок...

Игумен не сдержал негодования:

– Сказывай толком, старче! Кто такие – ражные?

Старец вопроса не услышал, зато сказал с мечтательным сожалением:

– Эх, как сгодится ещё сей гоноша для воинства! Коль исполином возвратится. Ты позри в Книге Нечитаной, пророчество там есть. Кто огонь небесный принесёт.

– Позрю, старче... Да ныне об ином речь веду! Может, вернуть его? Обловить окрестности? Покуда не ускакал далеко?

– Даже и не пытайся. Нет у тебя араксов, которым поймать его по силам. Пешего едва изловили, а верхового и вовсе не достать.

– Конокрад про араксов всё изведаль! Всю подноготную знает! А ежели он – лазутчик от татар? Или, хуже того, фрязины заслали?

Ослаб передвинул посошки, будто уйти собирался, однако мотнул бородой в сторону братии. Сергей знак понял.

– Ну что тарашитесь? Ступайте по местам, на послушание! – прикрикнул и подтолкнул Кудреватого. – А ты поди посмотри, вернёт ли коней...

Иноки и послушники повалили гурьбой, унося с собой недоумение.

– В Засадном полку ему место, – заключил старец. – Да ныне рано ещё, не изготовился. Сам прибежит, когда ощутит силу исполинскую...

Игумен спросить что – то вознамерился, но вдруг прикрыл уста ладонью.

– Спрашивай, – позволил Ослаб. – Чего примолк?

– Да почудилось мне, – смутился тот. – Ты как-то по-отечески беседовал с конокрадом...

– Как же с отроками-то след беседовать? По-отечески и надобно...

Сергей к его уху склонился.

– Не прогневайся, старче... С добрым умыслом пытаю тебя. Уж не сродник ли тебе сей гоноша? Не кровными ли узами с ним повязан?

Старец ответить не успел, ибо в тот час же с вежевой рубленой башни послышался крик караульного:

– Пропавшие кобылицы бегут! Одна, другая!.. Матерь божья, откуда?!

Игумен сам взбежал на башню: из белёсой молочной пелены и впрямь показались пропавшие кони. Будто из иного мира являлись: вначале из туманной дымки ткалились призрачные тени и лишь под лучами встающего солнца согревались и обретали естественную плоть...

Глава 2

Калик увязался за ними от кладбища, а чтоб не гнали, умышленно отставал шагов на полста, и когда Ражный останавливался, немедля шмыгал в кусты. Пришлось махнуть на него рукой и не обращать внимания.

– Вороны над рощеньем кружили, – вспомнила Дарья. – Могильный камень увезли... Всё очень плохо, Вячеслав. Разорили твою вотчину.

– Ничего, теперь мы всё поправим, – бодрился тот, однако испытывал сосущую пустоту в солнечном сплетении и противился желанию всё время озираться по сторонам.

Зима в родной стороне запаздывала, и если Вещерские леса тонули в снегах, то тут январь лишь чуть приморозил и припорошил землю, вода в открытой ещё реке с торосистыми заберегами отяжелела настолько, что замедлился или вовсе остановился её ток. В воздухе, в плоских росчерках графически отрисованных лесных окоёмов, во всём стылом пространстве ощущалось ожидание чего-то драматически обманчивого, призрачного, как мучительный, навязчивый сон.

На базе он снял котомку, повесил на воротный столб и встал, будто перед запретной зоной. Устроенный порядок пространства вотчины оказался разрушенным, чужие люди хозяйничали здесь, как им вздумается, причём бежали отсюда торопливо, оставив все двери нараспашку.

– Так и будем стоять? – поторопила Дарья.

Ражный взял её за руку и повлёл в гостиницу. Здесь тоже всюду бросались в глаза следы, оставленные незваными гостями: взломанные замки дверей, пакеты с мусором, грязные от обуви ковровые дорожки в коридорах. Кто-то вроде бы пытался навести порядок, возможно профессор, однако тут требовались генеральная уборка и ремонт.

– Восстановим, – сам себя попытался убедить Ражный. – Хорошо, не сожгли ничего!

В нетопленном просторном помещении было холодно и неудобно, даже в номере для виллиентов. Поэтому он привёл Дарью в зал трофеев, усадил в кресло, укрыл сорванной со стены медвежьей шкурой и растопил камин.

– Побудь пока здесь, – подкатил кресло к огню. – Я скоро. Только с боярином побеседую...

– Знаешь, я тебе так благодарна! – вдруг восхищённо призналась она, глядя на разгорающееся пламя. – Мне стало тепло! И вправду почувствовала: наконец-то я – дома! Душа согревается...

– Погоди, – вдохновился Ражный. – Спроважу Пересвета, вычищу баню от скверны... как у тебя вычистил, и поведу смывать дорожную пыль.

– Мне и так хорошо, – по-кошачьи жмурясь, проговорила волчица. – От тебя исходит обволакивающая шелковистая пелена радости и тепла.

– Если немного подождёшь, будет жарко, – пообещал он, прислушиваясь к шагам в коридоре. – Помнишь, как мы парились с тобой в Сиром урочище?

– Никогда не забуду...

Договорить ей не дал калик, нарисовавшийся в дверном сводчатом проёме. Прислонился к притолоке и чему-то хитровато улыбался, стервец.

Ражный и отгонять его не стал.

– Будешь подбрасывать дрова, – приказал он. – Чего встал? Принеси охапку! Да ольховые бери, царские.

– Вот сразу видно – вотчинник! – с сарказмом похвалил калик, шаркая грязными кирзовыми сапогами по ковровой дорожке. – Всё у него есть: звериные шкуры, камин и даже царские дрова...

Когда он удалился, Вячеслав склонился и целомудренно поцеловал Дарью в лоб.

– Можешь даже подремать... Я скоро!

– Наклонись, – попросила она. – И поцелуй меня.

Ражный узрел её желание. Целовать в губы невесту, в том числе избранную и названую, можно было лишь в момент завершения Пира Радости. Это был древнейший и мудрый обычай, миг воссоединения двух начал, мужского и женского, по преданию, исполина и поленицы, когда они сливались в одно целое. Это было таинством брачных уз, когда узы или уста впервые смыкались, раз и навсегда.

Он склонился и поцеловал, но коротко, мимолётно, ибо волчица сама высвободила отвердевшие губы.

И в тот же миг взвился нетопырём.

– Ну, всё, иди! – улыбаясь, толкнула в грудь. – Боярин ждать не любит.

Напоминание о боярине вмиг приземлило его.

– Он лишил моего отца судьбы аракса, – проговорил Ражный, ощущая земное притяжение. – Иscalечил руку...

Голос Дарьи вдруг стал низким и каким-то властным, как и мгновение назад – уста.

– Забудь о мести. Помни, ты вернулся из Сирого не для того, чтобы посчитаться с Пересветом.

– Он не имел права перешагивать порог моего родового дома. Чтобы не искушать меня местью.

– Наверное, у боярина есть к тому причины, – жёстко произнесла волчица.

Ответить Ражный не успел: калик принёс охапку дров, с грохотом высыпал возле камина.

– Сейчас погреем невесту! Вотчинник, а топить камин не умеешь. Ну, кто же в клетку кладёт дрова? В пирамиду составлять надо. Вот так! Это же тебе не русская печь...

И голой рукой стал перестраивать в камине горящие поленья.

Не лицо Дарьи, а его рука в огне почему-то и запечатлелась в сознании, как последний штрих, яркое пятно полотна...

Дядька Воропай нарушил неписанный закон и переступил порог его родового дома. Да ещё вырядился в кожаное оплечье Пересвета! Правда, видно было, достал его вместе с рубахой из дорожной сумки совсем недавно, ибо алам сидел неказисто, не облегал плеч, слегка коробился от долгой лёжки в отцовском сундуке. Бойцовская рубаха вовсе оказалась мятой, и всё отдавало нафталином.

– Здрав будь, боярин, – сдержанно обронил Ражный и по-хозяйски сел на лавку у стола.

Пересвет, конечно, рисковал, явившись в вотчину, над которой сгустились опасные тучи пристального внимания властей, или, как ранее говорили, баскачьего призора. Однако сам факт, что дядька Воропай решился прийти сюда, тревожил и настораживал предчувствием чего-то важного и неотвратимого. Неужели калик не для красного словца болтнул про Пир Святой? Война, что ли, началась, пока в Вещерских лесах обретался? Да вроде бы на дорогах ни войсковых колонн, ни самолётов, ни бомбёжек...

– Доволен, вышел сухим из воды, – с недоброй насмешливостью проговорил боярин. – На кукушке прилетел из Сирого! С ярым сердцем...

– Это моя невеста, – отозвался Ражный. – Избранная и названная. Не я сочинял устав Сергиева воинства...

Пересвет задумчиво покачал головой.

– Да, писано мудро, всегда остаётся лазейка... У тебя была уже невеста, наречённая. Внучка Гайдамака. А ты обездолил деву!

– Я не любил Оксану.

– А свою избранную и названую любишь? Только не смей мне врать!

Ражный такого оборота и подобных вопросов не ожидал и на минуту ощутил себя нашкочившим отроком. Однако оправдываться не стал, и это подвигло боярина обратиться в ворчливого старика.

– Устав воинства мудрые старцы писали. Всё учили, всё предусмотрели... Только вот не думали они, что потомки Ражного станут не блюсти его суть, а вертеть им как вздумается! Для своей выгоды!

Последние слова будто плетью подстегнули Ражного.

– Я готов завершить Пир Радости с Дарьей!

– Без любви? – ястребом вцепился Пересвет. – В благодарность за то, что вытащила тебя из Сирого? Не позволила на ветер поставить? И теперь жертвуешь собой? Благородный Сергиев воин!.. А ты подумал о её чувствах?

Этот разговор стал уже напоминать Ражному поединок на ристалище. И соперник был заранее в выгодном положении, ибо вынуждал только защищаться, сам, по сути, оставаясь недосыгаемым и неуязвимым!

Влекомый желанием вырваться из Сирого урочища, протестуя против разделения собственного «я» на многие десятки частей, он не избирал средств и приёмов, не задавал себе вопросов, насколько они праведны. В пылу борьбы за себя не видел ничего, кроме цели. И волчью хватку сделал, вырвал у судьбы клоч шкуры, чтоб победить и уйти на волю...

Теперь Пересвет возил его мордой о ристалище...

– Ты даже не заметил, кого на самом деле любит твоя избранная и названная! Не задался вопросом, с какой стати бродяга Сыч ушёл из Дивьего урочища и забрёл в Сирое. На поединок его вызвал! Схватку учинил в священном месте. И возомнил себе, на турнире выиграл право взять кукушку! Отбил кровью и потом... И не почуял, рыцарь, как сам послужил разменной монетой. В чужих отношениях...

Он сделал паузу, будто торжествуя над сломленным противником, ждал сопротивления, благородно позволял вновь встать на ноги. Однако Ражный не знал, чем возразить, и оправдываться не захотел.

Боярин провоцировал его хоть на какие-нибудь действия.

– Нет, для Сыча не всё так худо обошлось. Ты вовремя ему атавизм вырвал. Аракс вроде в себя пришёл.

– Какой атавизм? – механически спросил Вячеслав.

– Титьку!.. И вместе с ней вырвал женское начало. Бродягу словно подменили!.. В Сергиевой обители некоторым инокам такие атавизмы ножом резали, без наркоза. Чтоб избавиться от женственности... Слышал, наверное, омуженкам с детства прижигали правую грудь. Чтоб возбудить мужественность. Араксам, наоборот, удаляли... В самом первом составе Засадного полка у половины их не было. Говорят, Ослаб лично отсекал, засапожником...

На том его лирическое отступление и закончилось. Сидел неподвижно, однако почудилось, заплясал вокруг, как кулачный боец.

– А тебе в пору третью приживлять! Хоть бы капля женского, хоть бы намёк какой... Поэтому и любить не научился! Вылезла в тебе волчья порода. Отбил от стаи, в одиночку бредёшь, вотчинник... Так вот я волю Ослаба тебе привёз. Ты лишаешься вотчины, Ражный. Отныне и навсегда. Тем паче допустил её разор...

Вячеслав головой потряс, сгоняя цепящее ощущение некой крайней несправедливости.

– Постой, дядька Воропай... Что-то я не понимаю. Сперва старец упёк меня в Сирое, мол, ярое сердце утратил. Теперь же, напротив, узрел излишества? Переборщил с мужеством, и это любить не позволяет?

– У аракса ярость ратная и любовная равновесны, – с давящей назидательностью проговорил Пересвет, чуть ли не в точности повторяя отцовские слова. – Ты не можешь любить

Отечество своё, если не умеешь любить женщину. Не обучили тебя. Рвать шкуру с соперника наука хоть и родовая, да не хитрая. Любить научиться не просто... Отпраздновал Манораму с наречённой невестой, а что ей сказал?!

– Тогда я любил другую, – неожиданно для себя признался и почти повинился Ражный.

– Отрок! – зло восхитился боярин. – Несмыслённый послух! Одну, другую, третью... И давно счёт ведёшь?

– Она была первая!

– Да тебе подставили мирскую девку! Чтоб через неё войти в твою вотчину... А ты будто не узрел.

– Я любил Милю, – глухо подтвердил он, хотя чувствовал совершенную пустоту от упоминания её имени.

– В миру и живут по мирскому праву выбора: любил, разлюбил...

– Так сложились обстоятельства, – совсем уж неуместно заключил Ражный.

Пересвет его не услышал.

– Наши предки утвердили праздник Манорамы, – произнёс с мечтательным вздохом. – Сколько смысла вложили, сколько мудрости... Нашли способ, как возбуждать стихию чувств! К одной-единственной, наречённой. И выбирал не ты сам – родители. Чтоб от брака дух воинский не расточался, напротив, укреплялся в потомстве. Иначе бы от Засадного полка давно одни воспоминания остались...

Вячеслав услышал приглушённый звук автомобильного мотора на дворе, но отметил это походя, между прочим, однако боярин замолк и насторожился.

– Сейчас посмотрю, – Ражный привстал, – кого принесло...

– Сиди! – отрезал Пересвет. – Это калик за мной машину пригнал... Сиди и слушай... Думаешь, у тебя одного были мирские увлечения? Мы же не давали обета безбрачия. Многие через это прошли. На то он и мир, чтоб своими радостями искушать... Думаешь, я не смотрел на сторону? У меня барышня одна была, комсомолка, между прочим. Юная ещё, звала с собой послевоенную разруху восстанавливать. Я только с фронта пришёл... А мне показали мою наречённую, Варвару!.. Цыплёнок щипаный, голенастая, худая, волосёнки жидкие. Уехал бы, да родитель не пустил. Вся родова сговорила и давай мне в уши петь, как растёт и расцветает моя невеста. У меня перед глазами же недокормленный подросток военных лет. Не лежит душа...

Гул машины оборвался где-то возле «шайбы» – заглушили мотор.

– Я подобных сказок с детства наслушался, – сказал Ражный, намереваясь отвлечь боярина от воспоминаний. – От Елизаветы. И мне про Оксану пели... Ты лучше скажи: на сей раз мне куда собираться? Коль вотчины лишили? В вольное странствие?

– Не торопись, послушай, – как-то очень уж миролюбиво попросил дядька Воропай. – Скажу ещё... В другой раз явилась комсомолка, предложила целину поднимать. И уже повзрослела, в самом соку, манкая, глаза задорные, прижмёшь в углу, и задышала... Тут срок Манорамы подходит. Решил, исполню завет отцовский, поеду, но не догоню. Зато утешу сердце родительское. Потом махну в степи вольные. Ну и поехал за охочей кобылицей... А родитель не разгадал умысла, позволил самому жеребца подседлать. Ну я и выбрал самого ленивого, губа отвисла, спина прогнулась. И тут как понёс меня! Порол по ушам, плеть измочалил, губы удилами до ушей порвал. Не удержал... Как увидел наречённую, вмиг и про комсомолку забыл. Вот где моя целина непаханая!.. Шесть лет жеребца докармливал, когда постарел. Не он бы, не видать мне Варвары. Всю жизнь бы локти кусал...

– Зря я не ушёл с Сычом, – вдруг пожалел Вячеслав. – Воевал бы с кем-нибудь, со зверями дрался. Интереснее...

– Ещё повоюешь, – встряхнулся боярин. – Война для аракса – дело святое, на то и держим Засадный полк.

И это его возвращение в реальность встряхнуло Ражного.

– Держите? – показал он клыки. – Меня законопатили в Сирое, урочище позорили тем временем. Ладно, за дело, – нет, вопрос другой. Что, нельзя было охрану поставить? Чтоб никто сунуться не посмел? Где старики-стражники? Иноки ваши где? На пенсии?

– За вотчину душа болит? – легкомысленно спросил Пересвет. – А ты теперь о ней не думай. Нет её больше. И возродится не скоро, лет через сорок...

– Когда уже засадников не станет...

– Сыча наслушался?

– Все араксы об этом говорят. Конец приходит воинству, выродилось. Оплечье с рубахой можешь в музей сдать.

– Погожу ещё, пригодится...

– На последний парад выйти?

– А хочешь, тебе отдам? – внезапно предложил боярин. – Обряжу и всему воинству объявлю.

Это уже прозвучало серьёзно, озабоченно, и вдруг тайная надежда кольнула в солнечное сплетение: неужто за этим явился? И калик говорил, поруку принёс...

– Даром отдаёшь? – умыльнулся Ражный. – Благодарствую! Себе оставь, на память.

– А если не даром?

– Тогда собирай Пир Боярский, – он постарался не выдавать чувств. – Приду в твоё урочище.

– Не терпится мне бока намять?.. Вот и месть в себе не изжил! – Пересвет встал, поправил алам и глянул в зеркало, висящее в простенке. – Во второй раз надеваю. Первый – когда с отцом твоим на ристалище сходились... Да и с тобой не прочь потягаться. Но ты ведь холостой ещё, как отрок! Разве что в потешном поединке схватиться...

– Доверить Пир Радости – одной ночи довольно.

– С кем? С кукушкой?

– С Дарьей из ловчего рода Матеры.

Пересвет помедлил, словно примеряясь к имени, произнёс:

– С Дарьей? Из ловчего рода... Ну что, слово аракса. Дай хоть взглянуть на неё. Кого ты своевольно избрал и невестой нарёк.

– Ладно, дядька Воропай, на смотрины имеешь право. – Ражный направился было к двери, однако голос боярина его остановил:

– Погоди, а что у тебя подпол открыт? Чуть не свалился...

Вячеслав вспомнил о похищенных из тайника свадебных причиндалах и замер.

– Любопытно, как ты станешь пировать, если твой дом разграбили? – без интереса спросил он. – Должно, все тайники вскрыли, наряды растащили...

И тем самым подтвердил догадку: боярину известно всё, что происходило на базе, пока он был в Сиром, в том числе и о чаше. Даже мысль промелькнула: уж не причастен ли он к разорению вотчины, прямо или косвенно? Чтоб лишить его судьбы вотчинника? Иначе с какой стати лукавит, скрывая злорадство за равнодушием?

Ражный вернулся, аккуратно опустил крышку люка.

– Впрочем, наряды – это лишь дань обычаю, – подыграл Пересвет. – Ты же с мирской девкой по уставу пировал, со светочем, а что вышло? Ничего, сбежала... Всё-таки любовь нас вяжет, а не обряд с венцом. Только диву даёшься, какие мудрые традиции заложил преподобный! Даже если весь Засадный полк погибнет и останется хотя бы один аракс... Нет, даже отрок гоношистого возраста, но с ярым сердцем. И всё возродится. Потому не запретил инокам брать мирских невест и уводить в скит. Только заповедал браки с ними творить по любви и согласию. Тогда дети вырастут араксами. Минет время, и из лесов вновь выйдет воинство...

Это прозвучало как намёк. Верно, отнимая вотчину, боярин уготовил ему судьбу отшельника.

– Да я и в скит готов удалиться, – независимо отозвался Вячеслав. – Привык уже в Сиром...

Боярин лишь усмехнулся:

– Ты-то готов... А твоя избранная и названная?

– Спроси её сам!

– Ладно, спрошу. Показывай!

Они вышли из дома, и тут Ражный обнаружил, что никакого автомобиля с каликом на территории базы нет. А точно слышал, тархтел возле «шайбы»...

Из каминной трубы над гостиницей беззаботно курился столб жара, обращаясь в парное облако. Однако с предчувствием смутной тревоги Вячеслав взбежал на крыльцо, распахнул дверь и в тот же час ощутил пустоту: в гостинице не было ни одной живой души.

И всё же он заглянул в зал трофеев. В кресле, возле жаркого каминного зева, лежала лишь медвежья шкура, образуя нечто вроде пустого кокона, из которого только что вылупилась и улетела бабочка. Ражный сунул руку в мягкую полость: там ещё хранилось тепло...

В тот же миг он взвился нетопырём и узрел синий, как плащ Дарьи, сполох. Волчица спала в некоем белом, слабо озарённом и словно размытом пространстве, откинувшись в кресле, кажется автомобильном. На лице застыло сонное умиротворение, хотя пространство это тряслось и колебалось, но не потому, что было в его воображении; скорее машина мчалась по плохой, просёлочной дороге...

– Ну и где твоя невеста? – голос боярина вернул в реальность. – Из рода Матеры?

– Едет в машине, – сказал Ражный.

– В какой машине? – уже без лукавства, как-то растерянно спросил Пересвет.

– Не знаю. По плохой дороге...

Он выскочил на улицу, побежал к «шайбе» и там сразу же увидел на снегу следы разворота автомобиля, скорее всего, мощного джипа. И услышал голос, доносящийся словно из-под земли:

– Эй?... Кто там?... Вотчинник?..

Вячеслав огляделся и распахнул дверь ледника: на крюке для подвески звериных туш, как на дыбе, висел калик.

– Сними меня!.. Ну чего встал? Руки затекли, из плеч выламывает!

Спущенный на землю и освобождённый от верёвки, стягивающей руки, он встряхнулся и утёр окровавленный нос.

– Ну, гад он, а не аракс! Если б не взял хитростью, я бы его сделал! Он же, сволочь, на сирого руку поднял! Ничего святого!..

– Кто? – коротко спросил Ражный.

– Да этот, бродяга! Сыч! Хищное отродье...

– Дарью он увёз?

– А кто ещё?.. На руках отнёс, в машину посадил.

– Насильно?

– Ещё бы! Насильно... За шею его держалась, как утопающая! И ворковала что-то на ухо...

– Ну вот, – внезапно заключил боярин, образовавшийся в дверном проёме. – Вторая невеста сбежала... Не везёт тебе, отрок!

Вячеслав вышел из «шайбы», толкнув его плечом. Судя по следам, Сыч посадил волчицу в кабину, после чего руками откатил далеко за ворота и только там запустил двигатель. То есть действовал, как примитивный автоугонщик...

Первым желанием было догнать и отнять избранную и названую, однако на дворе за исключением колёсного трактора с плугом никакой техники не осталось. А Пересвет словно мысли его прочёл.

– Беги, догоняй, – ехидно посоветовал. – Обернись серым волком...

Однако Ражный в этот миг вспомнил первую погоню за ним – в Горном Бадахшане – и вдруг остро ощутил, что завершается некий круг его жизни, связанный с бродячим араком Сычом. И все потуги заложить ещё один, догнать в очередной раз и теперь отнять невесту выглядят по-мальчишески глуповато.

В памяти возникла картинка – Дарья безмятежно спала, покачиваясь в автомобильном кресле...

– Я сейчас машину пригоню! – вызвался калик. – Поехали навалим Сычу, чтоб сирых не обижал! Оторвём ему последнюю титьку!

– Машину пригони, – велел боярин. – Выедем, пока светло. Засады на дороге...

– Все кукушки – стервы! – смело заключил тот. – Обычай добрый, да только чтоб из Сирого вырваться. Кто с ними счастье нашёл, слышали?.. Кукушкам самое место в Сиром! В миру одно искушение.

Отмыл снегом кровь с лица и молча пошёл исполнять приказ. А Пересвет снял оплечье, аккуратно сложил его и вздохнул:

– Ладно, не печалься, воин полка Засадного. Любил бы Дарью, ни один сыч не унёс бы. Так что нечего делать тебе, отрок, на моём ристалище. Иная порука есть, ещё почешешь кулаки. Отправляйся в Дивье урочище, к вотчиннику Булыге.

Ражный даже сразу не сообразил, куда его отсылают, ибо название урочища было не на слуху, как и имя вотчинника: всё это относилось скорее к неким сказаниям и былям кормилицы Елизаветы.

– Куда? – переспросил он.

– В Дивье, на реку Аракс, – выразительно произнёс боярин и съязвил, поиграл в слова: – Не получилось с Дарьей, ступай в Дивье.

– Значит, в отстой меня, – ухмыльнулся Вячеслав. – Благодарствую, дядька Воропай.

– Не в отстой, а на постой!

– В приют для бродячих араков? В бомжатник?

– В приют нашкодивших араков, – терпеливо поправил тот. – Посидеть придётся года два-три. Если на тюремные нары не хочешь. От тебя всё равно не отстанут, коль раскрылся. Из Сирого урочища ушёл – получай Дивье. А вотчину твою миру отдать придётся. Пусть баскаки палец откусят, чем всей руки лишишься.

– Погибну там, дядька Воропай, – обречённо пожаловался Вячеслав. – Замолви слово перед Ослабом...

– А, вон как заговорил! – невесело засмеялся боярин. – Замолвил уже. Так что не погибнешь. Ступай и жди соперника.

Ражный внутренне встрепнулся, однако спросил сдержанно:

– Кто?

– Имени не знаю, сам объявится. И заветное слово скажет. Булыга тебе растолкует, что почём.

– Как-то не по уставу. Поруку несут с именем.

– Это воля старца, – казённо заявил Пересвет, однако добавил с нескрываемой завистью: – Все, кто из Сирого ушёл, тем устав не писан!

Однако быстро переборол негожее для аракса чувство, помолчал и не удержался, заворчал теперь назидательно:

– Сподобился ты ныне, Ражный, удостоился чести – уже Ослаб тебе поруки шлёт. Так что подавайся в горы... Теперь ты вольный воин, безвотчинный. На зиму всё равно куда-то

прибаваться надо, поближе к теплу. В Дивьем благодать, я бывал. Там ещё, поди, только виноград давят, молодое вино ставят. А молодое и шипучее даже араksam позволительно... Дорогу сам найдёшь?

– Не знаю, поищу...

– Значит, сам не найдёшь! – определил Пересвет. – Будет потом отговорка, почему бродяжить пошёл. Ладно, тебя встретят. Смотри только, не приведи никого за собой... Деньги есть?

– Я из Сирого пришёл... Откуда?

Боярин с купеческим размахом достал из кармана пачку денег, однако отсчитал только половину.

– На, получай...

– Обойдусь...

– Бери! Обойдусь... – пихнул деньги за пазуху. – До Дивьего ещё добраться надо. Теперь ты на содержании. Не свои даю, не в долг – из полковой казны. Денежное довольствие положено. Даже рубаху казённую и портки выдадут, в вотчинной каптёрке...

Последние слова он произнёс с издёвкой, однако Ражный спрятал деньги и с тоской осмотрел своё хозяйство.

Вторую половину пачки боярин пересчитал, как бухгалтер, и тоже вручил:

– Это Булыге передашь. На содержание вотчины. Задолжал я, давно хотел вернуть...

– Кто-то даже деньги получает на содержание, – с запоздалой завистью проговорил Ражный. – А с меня всю выручку в казну драм.

– Теперь не с кого драть, – ухмыльнулся боярин. – Гуляй на казённый счёт, ветер в поле...

В это время во двор въехала машина, и боярин удалился в дом. Калик выскочил из кабины, огляделся и заговорил полушёпотом:

– Что Пересвет предложил? Поруку принёс?

Все калики, что часто исполняли поручения боярина, заражались от него начальственным тоном и чувством значимости – всё как в миру.

– Тебе-то зачем это, сырый? – скучно спросил Вячеслав.

– Если в Дивье посылает – соглашайся без трепета! Ты знаешь, какой там малинник бывает?

Ражный ощущал себя как первый раз на правиле, когда вроде бы испытываешь полёт, но тело разрывает на части и не паришь, а висишь, как распятый на дыбе.

– Слыхал, виноградник там, – невпопад отозвался он.

– Малинник! Хочешь, секрет открою?

– Валяй...

– У тебя в гостинице шкуру медвежью видел, – зашептал калик. – В которой кукушка сидела?..

– Ну...

– Подари! Тебе всё равно теперь, куда её денешь? Я бы на сиденье постелил. У меня спина болит, ещё в отрочестве на ристалище сорвал...

– Дарю...

Калик сбегал за шкурой, прихватив ещё медальон с оленьими рогами, но всю добычу спрятал в багажник машины.

– Почему урочище Дивьим называют, знаешь? – тоном наставника доверительно проговорил он.

Ражный лишь усмехнулся.

– Ладно, не старайся. Ты мне ничего не должен. Шкуру с рогами я тебе подарил.

– Погоди!.. Белые Дивы и до сих пор есть! В том районе живут. Только надо Дивью гору найти.

– Сказки всё это, сырый...

– Ты вотчинника Булыгу не знаешь. Так вот жена, говорят, у него из той породы!

– Говорят, в Москве кур доят...

– Сам её видел! – клятвенно заверил калик. – Такая красавица! Истинная богиня! Она точно из них. Булыга ей жилы на ногах подрезал, чтоб не удирала на реку в Купальскую ночь. Раз в год её тянет, и всё! Они же на Купалу все сумасшедшие делаются. Намайлся вотчинник, пока не укротил. Найдёшь там Диву, не медвежью – свою шкуру снимешь и мне подаришь. В благодарность. Они есть, Ражный! Только про Див говорить запрещено, чтоб араксы с ума не сходили. А то бы все отроки, как ты, побросали своих наречённых и пустились гору искать. Про них только опричники знают, и то не все.

Верно, сырый что-то ещё присмотрел в гостинице и теперь мыслил выпросить.

– А тебе откуда известно?

Калик огляделся.

– Разговор подслушал Ослаба с опричниками... Богини на свете существуют! И живут где-то там. Булыга про омуженок всё знает.

– Из гостиницы возьми, что захочешь, – позволил Ражный. – Там ещё чучела есть, а морду вепря видел?

– Да ничего мне не надо! – обиделся сырый. – Я тебе по доброте душевной!.. А ты!..

О Белых Дивах рассказывала сказки кормилица Елизавета, а потом Сыч в Сиром урочище, который будто бы отыскал их в Турции, жил у них долго, даже вроде гарем завёл. Долгими зимними вечерами слушать этого бродягу-сказочника было забавно. Среди араксов их чаще называли грубо – омуженки, и были они некими девами – воительницами. Донские вотчинники Булава и Некрас не сдержали ярого сердца, увидев, как царские рати ловят и избивают до смерти беглых крестьян. Вмешались в дела мирские, откололись от Сергиева воинства и, собрав свои полки из казаков и голытьбы, восстали против власти. После разгрома Некрас увёл остатки войска на Кубань и попытался сотворить свой полк по уставу Засадного. К нему и прикнули гонимые Белые Дивы, однако же сохраняя свои обычаи. То есть жили отдельно от мужчин, своей общиной, и лишь в Купальскую ночь встречались с ними, чтобы зачать детей. Причём рождённых девочек оставляли себе, а мальчиков отдавали отцам. После гибели Некраса его араксы погрузились в ладьи и уплыли за море, в Турцию, где омуженки вынуждены были оставить свои дерзкие, вольные нравы. На чужбине они уже не справляли праздника Купалы, султан не позволял никакой женской вольницы. И пришлось богиням выходить замуж за араксов Некраса, жить семьями и рожать детей без разбора. Однако, по уверению Сыча, некий омуженский род и здесь не примирился. Выйдя из-под власти бунтующих казаков и султана, воинственные девы ушли в горы и принялись за своё прежнее конокрадское да разбойничье ремесло...

Обида калика была искренней.

– Ладно, прости, – со вздохом повинился Ражный. – Сам подумай: откуда же им взяться, Белым Дивам?

– Да они же ведьмы! – вдохновился тот. – Их, как тараканов, дустом не выведешь! Уцелели! Говорят, и дух свой сохранили, Купалу празднуют. Ты поживи в Дивьем до лета, дожись и попытай счастья. А что? Ты теперь вольный Аракс. Все, кто в Дивьем бывал, все искали...

– И кто нашёл?

– Говорят, пока никто. А Сычу я не верю, врёт про свои турецкие похождения, чтоб цену набить. Он за своей Дарьей даже к тебе прибежал! Но ты ведь Ражный! Может, тебе повезёт?

В вольере вдруг разом заскулили собаки, вернув в суровую реальность. И засосало от тоски под ложечкой...

Сырый заметил его состояние и снова попытался вдохновить:

– В Дивьем ещё одна интересная штука имеется! Про смотрины невест слышал?

– Ну...

– У Бульги там брачная контора! – зашептал на ухо. – Хрен бы с ними, с омуженками. В Дивьем и проводят эти смотрины! Девочек бывает до дюжины. Невесты на выданье! Которые отроковицами не были обручены, всех потом туда. Обручённых, кого замуж не взяли – в Сирое, куковать. А кому женихов не хватило – всех к Бульге. И скажу тебе, Ражный, какие там красавицы бывают! Иные покраще Белых Див. Причём на выбор! Они же все из мира приходят, доступные, без заморочек... Так что не в ссылку, не в бомжатник отправляют – в клубничник! Я бы на твоём месте!..

Договорить он не успел – отскочил к машине, поскольку из дома вышел Пересвет, уже переодетый в кожаное пальто, с сумкой в руках.

– Признайся честно, боярин, – Вячеслав заступил ему путь. – Ты всё это устроил? С Дарьей и Сычом?

– Я? – искренне изумился тот. – Я мыслил с тобой на ристалище выйти. Даже вырядился по этому случаю. Одолел бы меня, отдал бы тебе боярство, глазом не моргнув. Но с отроком выходить устав претит.

– Тогда прости, дядька Воропай...

– Логово твоё под наблюдением, – уже на ходу сказал тот. – Уходи с оглядкой. Своим имуществом распоряжайся, как хочешь. Продай, подари, оно уже воинству не принадлежит, списали... Только на ночь оставаться здесь не советую. Равно как и с баскачьим призором сражаться.

Глава 3

Митрополит Алексей нагрязнул в листопад и внезапно, хотя на всех путях к обители тайные караулы стояли, надзираая за всяческими передвижениями. Верно, владыка знал об этом и поезд свой снарядил под обоз купеческий, шедший из Москвы в костромские земли с соломиной и кожами. Шесть гружёных телег и крытые дрожки подвернули к монастырю будто бы на ночёвку: говорят, по дорогам опять шалили разбойные люди, было чего опасаться.

Алексий не явился сразу, а до поздних сумерек в крытой повозке своей сидел, видно исподволь наблюдая за жизнью обители. И свита его иноческая, переодетая в возниц и стражу, обихаживала коней да варила в котле полбу: день был пятничный, постный. Тем себя и выдала, ибо торговые ямские люди, будучи в пути, не блюли постов; напротив, предавались мясоедению и винопитию на ночёвках. Особенно когда не чуяли хозяйского пригляда. Зная, что в монастырях варят хмельной мёд, готовы были на приступ острога пойти, чтоб добыть ведро-другое.

А эти смиренные, как овцы в отаре при надзирающем и строгом пастухе.

Глазастый вежда с вежевой башни скоро нрав обозников высмотрел, вынюхал и донёс игумену. Тот не всполошился, велел в колокол ударить, по уставу, звал к вечерней молитве. Минуты не прошло, как всякое оружие в обители и скитских поселениях окрест исчезло, вместо доспехов на монахах и послушниках одни только серые подрясники остались. И ратный пыл в очах сменился на иноческую покорность: потянулись из скитов в обитель молельники, сутулые от поклонов, затворники, бледные и узкогрудые. Шепчут себе под нос тропари вместо боевых кликов.

Митрополит и колокола услышал, и замысловатое мельканье огней на вежевой башне узрел, поскольку, едва сбросив с плеч дорожный тулупчик, не увещевать принялся, скорее уличать и пытаться с пристрастием. Не в уединении – прямо на высокой рубленой паперти храма, благо что в обители было пустынно и лишь один юродивый сидел, слепой и глухой, ровно истукан каменный. Братия не скоро собиралась из отдалённых скитов. Иные скрыты были в лесах за версту и более.

– Кому знаки подавал? Почему в колокол бил? Своих разбойных людей упреждал?!

– К вечерней службе звонили, святейший, – покорно молвил Сергей. – Чтоб в скитах слышали. Они ведь там времени не знают...

– Отчего не по чину звонят?

– По уставу, святейший. Устав у нас таков...

– Подобным звоном знак подают!.. Не звон – потеха, игрище скоморошье!

– И тут твоя правда... Незрячих послухов у нас много. Для них и звоним, чтоб не напутали чего...

Митрополит объял от негодования.

– Незрячих?!

– В последнее время много слепых прибывается, – смиренно и охотно объяснил Сергей. – Толпами идут. Вон, позри!

И кивнул на юродивого. Алексей посохом перед его носом помахал, в глаза заглянул – перламутровые бельма...

– Откуда же берутся?

– Одному Богу известно, – посетовал игумен. – И ладно бы трахома – иная хворь привязывается. Ты, святейший, всё ведаешь про глазные болезни.

Ханшу Тайдулу в Орде избавил от темноты. Да по Руси теперь зараза расползлась, спасу нет. Ладно, бельма растут, зато глаза вроде бы целы, но света не зрят. Особенно в осенних сумерках так и вовсе ничего не видят. Куриная слепота, что ли?.. Вот и звоним эдак на вечернюю службу. Сойдутся всей час, так иных сам позришь.

Алексий выслушал замысловатую речь настоятеля и, похоже, не понял, хвалят его или скрытно надсмехаются. Поэтому проворчал неуверенно:

– Что-то не видел я на Москве толпы незрячих...

– Верно, чудотворче, и не увидишь. Они же к нам бредут. Мы всех принимаем... Алексий головой потряс, трижды перекрестился, словно сгоняя наваждение.

– А зачем светочами с башни махали?

– Так у меня глухих скитников довольно. Ушная хвороба ходит, ужель неслышал? Гной течёт, гложут люди...

– На всё ответ припасён!.. Сколько ныне народу у тебя по скитам сидит? Настоятель непритворно вздохнул.

– Малое число, святейший, по иноку да по паре послушников в каждом.

Да и те тёмные или вовсе немтыри. Что-то не идут здоровые в обитель, как прежде. А несёт к нам весь сор мирской, человеческий... В распахнутые ворота и впрямь начали входить иноки и послухи – слепые, горбатые: иные на четвереньках ползут, иных трясучка бьёт. У многих лица старыми рубцами посечены, ровно у воинов бывалых, у иных рук не достаёт. Входят, кланяются Алексию и выстраиваются, будто на показ. А один, с батожком, взошёл на паперть и пал на колени перед митрополитом.

– Отче! Чудотворче! – возопил, однако же, точно обращаясь к святейшему. – Исцели! Во имя Христа и Пресвятой Богородицы! Сними пелену с очей моих. Света не видывал! Приложи свои длани! Вместо зениц в глазах стояли одни яркие даже в сумерках белки. Ощупью потянулся к рукам Алексия, однако, не отыскав их, прильнул к ногам и стал целовать сапоги. Привыкший к подобным молитвам и стонам страждущих, митрополит отчего-то смутился, попятился, посохом оттолкнуть попытался незрячего. Но будто и сам слепой, тыкал мимо. Сергей на помощь пришёл, прикрикнул:

– Изыди! Ступай прочь! – и, взявши за шиворот, оттянул послуха. – Иди, покуда плетей не получил!

Слепой зарыдал как-то по-женски, пополз в темноту, забыв свой батог.

– Ох и излукавился же ты, игумен! – голос у стареющего митрополита от возмущения становился по-отрочески ломким. – Ты кого мне явил?! Отребье, не народ! А где иноки, что на конях скачут да лихоимством промышляют? Или думаешь, не знаю ничего?

Сергий оставался непоколебимым.

– Они телом убогие, но духом сильны. На том и держится ныне Русь...

Митрополит огляделся и, кажется, высмотрел уединённое место – возле приземистого сарая с горой пиленных дров. Размашистой походкой ушёл, выбрал себе чурку потолще и сел, обвиснув на посохе, словно уставший рубщик.

– Всё крамолы творишь, игумен, – заговорил обидчиво. – Мало от тебя ереси, так ещё и ордынцев дразнишь своими лукавыми игрищами? Думаешь, не извели они дел твоих тёмных? Или и татарам являешь сброд?.. Полагаешь, глупцы, не знают, какие послухи в потаённых скитах собираются? Ножи вместо крестов носят?.. Я столько сил положил, столько стараний, дабы примириться с Ордой! Ярлык получил и неприкасаемость храмов исхлопотал! Ох, навлечешь ты беду, не миновать набега. Токмо уж не Москву станут жечь – святые обители рушить!

Настоятель заботливо укрыл его плечи дорожным тулупчиком, слушал и помалкивал, зная нрав Алексия: строг и крут он был лишь в пору, когда говорили с глазу на глаз. А при чужих ушах сора из избы не выносил, напротив, поддерживал всячески, тайно или явно способствовал и даже защищал. Слушал его игумен и про себя мыслил – не коритыя не сыскереси приехал чинить митрополит, как бывало прежде; что-то иное привело его в пустынь. Поэтому стоял и ждал, когда притомится от словес владыка всея Руси.

Тот и впрямь поносил Троицкую обитель недолго и как-то не очень старательно. В былые времена поболее выражал гнев и посохом замахивался.

Ныне же кружился около, словно учёный волк, даже единого коня угнать не мог, даже хватки сделать не захотел.

Настоятель стоял на страже и молчаливо оборонял свой табун.

– Заезжал ли к тебе великий князь Дмитрий? – как-то отвлечённо и вдруг спросил святейший, глядя на цепочку убогих, змеящуюся по ступеням высокой паперти.

– Летом бывал, – отозвался Сергей. – Ныне не до нас ему, сирых...

– А Митяй? – будто лук натянулся в очах митрополита. – Духовник княжеский?

Оба они наведывались в обитель, но тайно, и поэтому настоятель, ничуть не колеблясь, ответил:

– Столь важные особы нас не балуют... Только ты, святейший, и снисходишь.

И косым взором оценил своё коленопреклонение – митрополит вроде бы поверил. Впрочем, обольщаться не стоило: старый мудрый владыка умел скрывать свои чувства под любой личиной, которая в нужный час потребна была. Он сумел даже Орду нимало подивить чудотворством своим, помышляя о невозможном и тайном устремлении – сблизить ордынцев с верой христианской или вовсе окрестить хана и ханшу, дабы пересилить, перебороть супостата. Воля Алексея была понятной, Русь мыслил раскрепостить, вывести из-под татарского владычества, однако Сергей не имел с ним внутреннего согласия, ибо зрел иной путь, иные тешил мысли и посему укреплял свою обитель и иночество.

Настоятель Троицкой пустыни давно и непоколебимо убеждён был: два противоположных мира, как два поединщика на поле брани, не могли расцепить объятья и разойтись, не сразившись.

Митрополит же думал иначе и искал связующие кровеносные жилы с Востоком. Он ханшу Тайдулу излечил наложением рук с крестами наперсными и молитвой и, когда вдовствующая жена великого Узбека чудесным образом прозрела, прослыл чудотворцем, заложил Чудову обитель. А в дар получил землю в пределах кремлёвских – бывшие конюшни ордынские! Всё это Сергей считал оскорбительным для духа и нрава русского, в том числе и заложение монастыря, и лекарство митрополита, и даже дарованную землю в самом сердце стольного града. Сидючи в своём караван-сараяе, раскосая баба управляла всей жизнью московской! Из князей-бояр, земель и княжеств свои узоры ткала, какие хотела, из чувств простого люда верви вила, дабы ими же спутать и укротить Русь...

Виданный ли позор?..

И смыть его возможно было лишь кровью, великой искупляющей жертвой возможно было одержать верх. Все иные пути вели к гибели. Восток, словно ползучий серый лишайник, всё плотнее затягивал краски духа земли Русской. И под этим покровом незримо разъедался и растворялся вольный образ славянский, взлелеянный предками. Погружённый в греческую сень нравов, привыкший служить византийскому патриарху, Алексей уже не внимал столь тонким, острым и яростным чувствам, которые испытывал всякий послух, пришедший в обитель Сергия.

Братия кое-как втянулась в тесноватый храм и началась служба, прежде чем митрополит страхнул задумчивое оцепенение.

– Жалобы на тебя, игумен! – словно спохватившись, промолвил он уже без прежней суровости. – И дня нет, чтоб челобитную не подали. Ты почто опять велел братии дань собирать с окрестных земель? Ровно баскаки, насакаивают иноки твои!.. Кто позволил тебе подати требовать? Воеводой себя возомнил? Князьком удельным?

Сергий и это выслушал с прежней иноческой невозмутимостью: нет, не судить приехал митрополит, что-то иное тревожило. Подати настоятель собирал давно, невзирая на запреты, и всех челобитчиков знал наперечёт. Не поехал бы Алексей в эдакую даль, чтоб обложенных данью крестьян освободить от тягла да игумена отругать.

– А я, святейший, тебе уподобился, – дерзко отозвался он. – Ты ведь тоже не государь, не великий князь. Но ныне властвуешь не токмо на духовном поприще. Не токмо святительскую славу себе снискал на Руси. Вот и шлют тебе челобитные, словно царю.

Алексий встrepенулся от его слов и, верно, ответить хотел резко, да в церкви грянул густой мужской хор. Всякий бы соборный столичный храм позавидовал столь могучим голосам и спевке. Сергей про себя ругнул братию: след ли силу пением показывать, коль собрались слепые да глухие? Ведь упреждал певчих, запрещал свои лужёные глотки выказывать!

Однако святейший вроде бы не заметил столь зримой разницы притворной убогости и непритворных голосов.

– Ещё сказывают, ты в некоем тайном скиту людишек пытаешь с пристрастием, – заявил он. – Которые к тебе в пустынь приходят.

– А разве ты еретиков не пытаешь на Чудовом подворье? – спросил настоятель и словно обезоружил Алексия.

– Тяжко мне сие ремесло...

– Будто мне в радость!

– И мирская власть мне в тягость, – пожаловался он. – Покуда Дмитрий Иванович молод, на себя бремя принял. А заместо благодарности от князя недовольство слышу.

– Тут твоя правда, святейший, – с готовностью поддакнул настоятель, ровно не вняв последним словам Алексия. – Ныне всюду так устроилось. Кто по собственной воле на себя бремя взял, тому и нести его.

Мудрёный смысл ответа митрополит не уловил, ибо довели над ним совсем иные, потаённые мысли. Послушал хор и ещё больше ссутулился, словно ноша на плечи легла.

– Ты прости меня, брат Сергей, – снизошёл вдруг до имени. – Я к тебе ныне как к духовнику пожаловал. Некому стало горечь сердечную поведать. За утешением пришёл.

Настоятель помалкивал, перебирая чётки-листочки, ждал. Алексий помедлил, отпыхиваясь, – на одышку пробило.

– Позрел на твоих незрячих, ещё горше стало... Я ведь в Орде вовсе и не чудотворствовал. Ханша обманом заманила... Зрячей была, притворилась. Хан Джанибек заболел, но Тайдула вздумала сыновнюю болезнь утаить, дабы власти не потерять. Про себя сказала, мол, захворала, ослепла... Врачевал хана, да без толку. Не поднял молитвами... А ханша славу распустила про своё исцеление.

Пользуясь долгой паузой, Сергей чурку установил напротив Алексия и сел наконец-то, готовый исповедь выслушать. А тот будто бы горечь со своей души соскребал, откашливал мокроту, чтоб выплюнуть, сидел, обвисший на посохе, шамкал редкозубым ртом. Но не выплюнул, вдруг сглотнул вместе с одышкой, воздух носом потянул и отпрянул.

– Чем от тебя разит-то, игумен? Запах дурной...

– Да уж не благовониями мы тут пропахли, – подтвердил тот. – Не ладанным духом.

– А чем ещё?!

– Братия от восхода до заката с топорами не расстаётся. На службе кулаками крестится. Персты по чину не слагаются, заскорузли...

– С топорами? – отвлечённо и подозрительно спросил митрополит.

– Так ещё шестнадцать скитов рубим, четыре башни вежевых, что татарва спалила, и три часовенки. В баню ходить каждодневно устав не велит. Нечего баловать тело...

– Да ты же трапезничал с чесноком! – Алексий брезгливо отодвинулся.

– На дух не переносу!

– Ровно татарин стал, как из Орды возвратился...

– От инока должен исходить дух благостный – не мужицкий!

– Это не чеснок, святейший, – черемша, – признался игумен. – Весною собираем да мочим, словно капусту. Полезная снедь от заразных болезней. А всё целебное – горькое либо вонькое. Пчёлки эвон с конского пота и мочи соль собирают, а мёд сладкий делается.

Митрополит, возможно, мудрёным его речам внимал, да значения не придавал, отягощённый своим бременем мыслей. Вдруг руку свою протянул и спросил:

– Ты, брат, десницу мою пощупай. Тёплая ли? Живая?

Сергий митрополичью сухонькую руку своей хваткой пятернёй пожал, будто обвядшую срубленную ветвь.

– Вроде горячая... Знать, живой.

Алексий выдернул враз спёкшуюся в кость ладонь.

– А патриарх очи мне закрыл, в саван обрядил и отсоборовал! Да живого на погост!

Почти выкрикнул, отвернулся и стал слушать церковное пение.

– Киприана в митрополиты возвёл? – спросил игумен.

Алексий отшатнулся и перекрестился коротко.

– Тебе-то откуда ведомо? Сие покуда в тайне...

– Догадался, – обронил тот.

– Киприана! – Борода митрополита вспушилась от возмущения. – При мне живом на кафедре возвёл! Ныне Русью болгарин править станет! Сколько же заплатил патриарх Болгарский, Ефимий, дабы к нам посадить Киприана? И сколько сам Киприан?!

– Должно быть, много заплатил, – смиренно предположил игумен. – Сколько ныне дают за митрополичий сан?

Алексия затрясло.

– Одни говорят, три, другие – пять тысяч серебром!

– Добро патриарх взимает мзду. Да ты уймись, брат, я не стригольник.

– Токмо что не стригольник! А во всём ином – еретик!

Настоятель помедлил, дожидаясь, когда Алексей усмирит гнев праведный, пообещал серьёзно:

– Велю послухам келейку тебе срубить. Оставайся.

– В отшельники я не собираюсь! – почти мгновенно заявил митрополит, пристукнув посохом. – И Киприана ни в Киев, ни в Литву не пущу. А Москвы ему и вовсе не видать!

Теперь и Сергей ссутулился от бремени дум. С одной стороны властвовала Орда, ханы и ханши, помыкая волей и нравами русскими. С другой – Вселенский патриарх Константинопольский, Филофей, без благого слова коего даже епископы не ставились. А вкупе с греками и болгары норовили править русской церковью.

И это тягло было ничуть не легче татарского. Рвали Русь с запада и востока, баловали ею, как собаки тряпицей...

– Что посоветуешь мне, игумен? – уняв неистовство, спросил Алексей.

– Говорят, у тебя мудрый старец завёлся? Может, его совета испросить?

– И без старца скажу, – отрезал Сергей. – Отдай бразды великому князю. Богу – богово, а кесарю – кесарево. Тебе надобно светлый храм воздвигать с алтарями, а не кремль белокаменный с грановитыми палатами.

Митрополит на прямоту обиделся.

– Поучи меня, игумен!

– Ты ведь совета спрашивал? Утешения ищешь?

– Больно молод и горяч князь, – молвил митрополит фразу, давно приращенную к устам своим. – Пускай оперится вначале. От него и ныне неразумное своеволие идёт. Почто розмирился с Мамаем из – за Рязани? Лучше уж худой мир, нежели война добрая...

Настоятель лишь хмыкнул многозначительно, однако сказал определённо:

– Да ведь не молодости ты опасешься, святейший. Приучился властвовать заместо князей. И выше их стоять. Вот и боишься свою волю утратить.

Алексий принял укор с достоинством, верно, слышал подобные речи давно, не только из уст Сергия. И ответ у него был припасён.

– Опасаюсь, князь Дмитрий ещё больше смуты посеет. Он ведь что замыслил? Митяя своей волей в митрополиты поставить! Без патриаршего слова. А Митяй того и ждёт, чтоб князь в полную силу вошёл. Спит и зрит себя владыкой!.. Я же ещё живой, чтоб на моё место сразу двух возвести!

Замысел княжеский настоятелю был известен, не раз с ним обсуждали, как вывести Русь из-под константинопольского владычества. И свою патриархию утвердить, дабы обрести волю духовную – действо крамольное, раскольничье, да ведь всё одно наступит час, когда и супротив этой силы придётся восстать. Тогда станет возможно собрать все земли в единый кулак и, учинив открытую битву с Ордой, сбросить власть её ханов. А митрополит Алексий хоть и соглашался с Троицким игуменом, однако противился подобным замыслам, полагая тихой сапой, исподволь, перетереть, перемолоть татарскую неволю, как река перетирает камни в песок. Потом и власть Константинополя низвести, утвердив своё патриаршество.

– Ну, тогда поступай, как знаешь, – Сергий встал. – Нечего мне более присоветовать. И утешить нечем. Митрополит к нему рукой потянулся.

– Годи, игумен. Не оставляй меня, сядь... Ни Киприана, ни Митяя не приму! Я бы тебя в митрополиты поставил. И перед Вселенским патриархом отстоял. Да ведь ты своей ересью всю церковь заполонишь. А повязанные с молодым князем, вы такого натворите!.. Что, не вижу, сколь народу в твоих скитах обретается? Не слышу, какими голосами твои убогонькие иноки псалмы распевают? Думаешь, не знаю, сколь раз к тебе князь с Митяем приезжали? Не знаю, сколько своих иноков давал, когда Боброк на Рязань ходил? Вон они, в храме стоят, саблями татарскими посечённые!..Всюду у тебя притворство. От меня таишься поболее, чем отордынцев. И сказать не можешь, что замыслил. Да ведь я всё одно дознаюсь.

– Дознаешься, так взыщешь, – без интереса отозвался Сергий. – Покуда не уличил в ереси, так не спросить тебе, не казнить.

– Мне доподлинно известно! – громким шёпотом и с оглядкой пробубнил Алексий. – Ты по своим скитам полк собираешь супротив Орды! И ученики твои подругим пустыням! Ты с князем и Митяем сговорился, тайных витязей в монастырях держишь. Коим храм Божий – бранное поле. Послухи у тебя и непослухи во все. Не молятся, токмо притворяются, а сам и ратному ремеслу обучаются. Под рясами не кроткие постники и молельники скрываются – людиразбойные, ушкуйники, душегубцы!.. Не ересь ли ты сеешь повсюду, научая послушников с отроческих лет не с крестом идти – с мечами да засапожниками?.. Дабы тебя в колодки забить и в Чудово узилище упрятать, мне и сего довольно!

– Упрячь, святейший, – согласился игумен. – Вот уж татарва возликует! Вот уж потешатся басурмане. Того и ждут, чтоб нас с тобой рассорить...

Митрополит обвяс слегка, но тут же всколыхнулся.

– Старца-калеку пригрел! Откуда он пришёл? Какого толка есть?.. Молва говорит, чернокнижник, ересь разносит по землям. И веры не правоверной! Иные и во все судачат – волхвующий чародей!

– Сказывал тебе не раз, – устало молвил Сергий. – Схимник он, с малых лет мне ведом. Коней искал в поле, а он стоял в дубраве. И позвал меня...

– Да слышал я твой сказ, – перебил Алексий. – Какую тебе чёрную книгу сей старец принёс? По которой ты устав монастырский сложил? По которой и войско своё устраиваешь?..

– Нечитаная сия книга...

– То есть как нечитаная? Чужим языком писана? Или письменами неведомыми?

– Поди к старцу и спроси, – отбоярился игумен. – Коль соизволит, покажет книгу. Сам и позришь...

– Я с тебя спрошу! Ты настоятель! И спрос будет строгий.

Сергий словно и не услышал угрозы, ибо знал характер святейшего: разум у него душе противился, а душа – разуму. И оттого поделаться что-либо со своевольным игуменом Троицкой обители он не мог и лишь грозить отваживался. К тому же патриарх Филофей назначением Киприана ещё более смуты внёс в положение митрополита.

Он и впрямь выметал своё негодование и сник.

– Велю постелить в келье своей, – пожалел его Сергий. – И камелёк истопить. Мне ныне всенощную стоять, по обету, а у нас тесновато. И палат митрополичьих не срубили...

Он должен был пойти за настоятелем в храм, дабы завершить начатую исповедь, коль духовником избрал. Много оставалось не сказанного у него за душой, сомнения терзали, однако Алексей и притворяться не стал.

– Не хлопочи, игумен, – промолвил устало. – Я свычный в шатре, со своей братией... Да и нет времени почивать. Ты лучше яви-ка мне старца своего. Позреть желаю, что за схимомонах к тебе прибился.

Сказал будто между прочим, надеясь встретить сопротивление и уж потом власть свою показать. Но Сергий и сам довольно овладел бойцовой наукой араков и не уходил от удара супротивника. Напротив, будто подставлялся, предлагая места уязвимые. И эта была иная защита...

– Добро, – обронил он и повёл святейшего прочь с монастырского подворья.

Рубленая келейка Ослаба, наполовину вкопанная в землю, стояла на самом виду и вход имела со стороны леса, глядя единственным подслеповатым оконцем на дорогу. Отшельник сам выбрал место и ни за что не соглашался жить в монастырском остроге, с братией, дабы иметь полную волю от уставных правил. Входить к нему без зова позволялось лишь настоятелю да приходящему келейнику, коего отшельник сам себе избрал из числа братии. Если же старец хотел кого-то видеть сам, то с сумерками затепливал свечу – давал знак Сергию, и через него призывал к себе нужного инока либо послушника. Немудрёную пищу и воду ему приносил келейник из трапезной, оставляя у входа.

Гостей незваных в келейке ещё не бывало, в том числе и сановитых.

Невзирая на возраст, митрополит ещё был проворен, скор на ногу и весьма бодр, однако сразу же за воротами отчего-то отставать начал и подволакивать посох. А Ослаб, верно, почуял гостя, свечу затеплил – зазывал! Алексей же как увидел брезжущий свет в оконце кельи, так и вовсе перед ней остановился, мол, дух перевести. И в самом деле задышал часто, шумно, словно грудная жаба давила. Двое иноков из его свиты, ряженные под стражников купеческих, в тот час около очутились, вздумали под руки подхватить. Однако митрополит отмахнулся:

– Сам пойду!.. Откуда заходить? Двери где?

– От леса, святейший, от леса, – с готовностью подсказал Сергий. – Да голову-то наклоняй пониже. Старец убогий, согбенный, так по себе и вход заказал. Чтоб все другие входящие кланялись.

Митрополит посохом постучал и, не дожидаясь ответа, осенил себя крестом и шагнул в келейку отшельника. Едва дверь за ним затворилась, Сергий скорым шагом проследовал на подворье, велел закрыть ворота обители, а к себе знаком приманил инока юродивого, сидящего на паперти. У того заместо зениц толстые бельма – слепощарый, тёмный, как пень.

– Зри, Чудин, – шепнул на ходу. – Спрошу после.

– Добро, отче, – отозвался тот и скорчил гримасу страдальца, оставленного без молитвенного окормления.

На подворье оставалось несколько оглашённых да чуждых ещё послухов разного возраста, коим не позволялось переступать порога храма, вместо службы они исполняли свои тру-

довые уроки. Чуждыми в Троицкой называли тех, кто только прибил к монастырю по доброй воле и ожидал слова братии, допущения в круг послухов. Оглашёнными же кликали послушников, кто уже прошёл испытания всяческие, исполнил уроки и теперь ждал первого пострига в круг гоношей – учеников ремеслу араков – защитников. Кто из них дрова рубил, кто бондарным и столярным промыслом занимался под навесом на хозяйственном дворе, однако же не забывая в нужный час креститься да поклоны бить с инструментом в руках. Каждый сам себе вечерю служил.

В заполненном под завязку храме ещё служба шла, хор вздымал кровлю, норовя сбросить её наземь вместе с куполами. Настоятель сам захлопнул церковные двери, на засов заложил. И тем самым словно загасил единоголосье хора.

Слепые вмиг прозрели, глухие чуткие уши наострили, убогие и калеки распрямылись, в плечах раздались, у юродивых впалые груди развернулись. У иных и вовсе руки и ноги отросли.

– Как велено петь, когда гости на дворе? – сурово спросил Сергей. – Митрополита подивить вздумали?

– Прости, отче, – весело повинился инок-запевала. – Сами не заметили, как и распелись. Яко соловьи у гнёзд!..

– Позрите на рядом стоящего, – негромко призвал настоятель. – Нет ли оглашённых и чуждых в храме. За кого не будет поруки, в круг ко мне выводи.

Иноки и послушники беспорядочно завертели головами, всякий разглядывая соседа при тусклом освещении, – ровно волна пробежала по пшеничному полю. И когда трепетный ветерок этот улёгся и в круг никого не вывели, Сергей добавил силы голосу, чтоб крайние внимали:

– Слушай меня, братия. Худые вести получил. Вселенский патриарх вздумал церковь болгарину в духовное окормление отдать. Киприана митрополитом посадил. Должно быть, догадывается, какую силу собираем в пустынях. Сладить не может властью своей, так замыслил Москву от Киевской и Литовской Руси отбить окончательно. Великого князя один на один супротив Орды поставить. Не надобно державу делить, довольно и церкви, дабы раздрать Русь. Теперь след лазутчиков Киприановых ждать. Мало нам было татарских да митрополитских...

В храме наступила полная тишина, вроде и дышать перестали, лишь свечи потрескивали, голуби в деревянных куполах крылами трепетали да коростели за узкими окнами скрипели назойливо и надсадно.

– Святейшему много чего ведомо стало, – продолжал настоятель. – Поручаемся друг за друга, а чуждые всё одно есть. Знать, вновь соглядатаи в обитель и скиты наши проникли, вострят глаза и уши. А посему ещё раз поручитесь!

Вновь закачалось, завертелось под вихрем пшеничное поле голов. И опять в круг никто вытолкнут не был.

– Ну, добро, – облегчённо вздохнул Сергей и удалился в алтарь.

Через несколько минут он вынес ветхую Книгу Нечитаную, полистал кожаные закладки у корешка и раскрыл в нужном месте, с начертанными знаками неведомого письма. Долго всматривался, шевеля губами и держа над свечой, затем бережно сомкнул корки и медные застёжки застегнул. И уже от себя говорить начал, ровно толмач, с иного языка перекладывал на понятный:

– Всем аракам мужалым... След взять с собою гоношей и послухов своих... К Кириллу и Ферапонту на Белозерье подаваться... А иным на Кержач, иным в Серпухов и Коломну... Сей же час окольными путями уходить... Лесами, помимо дорог, селений и посадов... В пустынях и скитах науки своей не выказывать... При чужих глазах и ушах речей о Засадном полку не вести... Знакомства между собою не выдавать... По укрытиям своим негласно сидеть... Покуда знака не подадут от меня... То есть от нашего старца. Знаком будут дубовые жёлуди с листьями...

И принялся перечислять поимённо, кому и в какую пустынь, в какой скит уходить да с кем из тамошних иноков дружбу вести, а кого опасаться и к себе близко не подпускать. Иноки и послушники вслед его слову разбирались по малым клиньям, косякам, словно птицы перед отлётом, и бесшумно исчезали за алтарными золотыми воротами. Скоро в храме остались только воистину убогие да юродивые.

Уже на рассвете Сергей вновь отщёлкнул застёжки, открыл иную закладку в Книге Нечитаной, вперился в единую строку, пошевелил губами, но вслух произнёс уже от себя:

– Отныне ни единого чуждого в скиты без моего поручительства не принимать. Всякого, кто прибьётся, ко мне на пытку провожать. Невзирая, какого звания и рода. Ступайте в скиты свои, а я молиться стану.

Через минуту Троицкая церковь и вовсе опустела. Настоятель дождался восхода, и, когда солнцем озарило суровое убранство храма, на противоположной бревенчатой стене возник некий светлый образ воина в крылатом шлеме и с крестообразным мечом в руках. Ему Сергей поклонился и помолился коротко, словно торг вёл:

– Храни защитников своих, араков, Боже. А мы Русь сохраним.

И замер с опущенной, впервые покорно склонённой головой. Нерукотворный, ломкий образ качнулся, вздымая меч, лезвие коснулось темени Сергея.

– Вразуми, Господи! Прочёл в Книге Нечитаной пророчество. Писано, огонь небесный принесёт ни пеший, ни конный. И в ворота обители не постучит... Внять не могу!

Ещё через мгновение явление исчезло, растаяв в воздухе. Настоятель удручённо вздохнул, сам потушил недогоревшие свечи, распахнул окна, выпуская стылый смрад. Вышел в двери, оставив их открытыми настежь.

Потом и ворота обители растворил – заходи кому не лень и смотри!

Ряженого купеческого обоза уже не было, хотя ещё парили свежие кучи конского навоза у коновязи и в дорожных лывах не отстоялась вода, взмученная колёсами. Настоятель вернулся на подворье и позвал слепого юродивого с паперти к себе в келью.

– Ответствуй, Чудин, чего позрел?

Глава 4

Он не мог уйти, не попрощавшись с родовым гнездом, не одну сотню лет служившим надёжным пристанищем Ражных. Да и бросать нажитое десятками поколений было жаль, особенно дубраву, заново выращенную дедом и отцом по всем канонам рошенья священного леса, где каждое дерево стояло сообразно природным силам земли и приносило вотчиннику благо. По крайней мере, в это верили...

Некоторое время он стоял в оцепенении и смотрел на дорогу, по которой Сыч увёз избранную и названую и по которой уехал Пересвет. Нет, живые души ещё оставались рядом – собаки в вольере, скулящие от радости при виде недосягаемого вожака стаи, гончаки и лайки, засидевшиеся в этом сезоне. Бросить обустроенную базу можно было легко, да и пропасть ей не дадут: Баруздин спит и видит себя владельцем охотугодий Ражного и всего хозяйства. Он и службу свою чиновничью бросит ради этого. Но вот отдавать ему собак за здорово живёшь как-то несправедливо, неправильно.

Вячеслав открыл все двери вольеров, и оказалось, не к нему устремлялась вся свора. Кобели в тот же миг сгрудились вокруг рыжей Гейши, некогда вскормившей Молчуна, и принялись обнюхивать с тщанием, так знакомым всем собачникам: сука явно была в течке. В другой раз Вячеслав никогда бы не допустил подобного и запер гулящую с самолично выбранным гончим кобелем, но сейчас было всё равно, кто станет продолжателем рода. Уже через мгновение раздался угрожающий рык, и спустя секунду два особо азартных самца западносибирских лаек покатались клубком, намертво вцепившись друг в друга.

А виновница потасовки, Гейша, вдруг ринулась к реке, вылетела сквозь распахнутую калитку и в тот же час заголосила. Но не по зверю, лай был охранным, предупреждающим, и свора кобелей, забыв о соперничестве, немедля помчалась на подмогу. Ражный вспомнил совет боярина, однако таиться не стал, тем паче собаки в прибрежных кустах вдруг умолкли. И почти сразу в густом мелколесье замелькали два всадника, летевшие галопом: ездить так по шкуродёру могли только братья Трапезниковы. Через минуту они и в самом деле выскочили на открытое место, остановили коней и заозирались – кого-то искали! На обоих драные фуфайчонки поверх армейской формы, волчьи шапки, стволы ружей за спинами, а лица загорелые до черноты, словно только что с юга вернулись.

– Ну, здорово, орлы, – негромко окликнул Ражный.

Они мгновенно обернулись на голос.

– Дядя Слава?!

И как по команде спешили, бросили поводья, кинулись было к нему, но в последний миг сдержали подростковые чувства неким омужевшим достоинством.

– Здорово, дядь Слав! – произнесли, однако же, хором.

Тот усмехнулся, разглядывая братьев.

– Вы что, дезертиры?

– Никак нет, в отпуске! – доложил один.

И второй подтвердил:

– На побывку прибыли, по семейным обстоятельствам.

Он хотел спросить, что такое стряслось с их семьёй, и не успел.

– Дядя Слава, тебя ищут! – внезапно сообщил один и завертел глазами.

– Твою базу обложили!

– Нас сначала тоже повязали. Но мы отбрехались.

– Кто повязал? – спросил Ражный.

– Да гаишники на дороге! Пристали, сволочи, подрачься пришлось.

– Но их семь рыл было, да ещё подмога пришла...

- Потом нас передали какому-то хмырю. Важный такой, но озабоченный.
 - Начальник какого-то спецназа. У них тут целая операция!
 - Про тебя пытал!
 - Этот спецназ и сейчас по лесу рыщет, в чёрной форме, – подхватил другой. – Грибы собирают!
 - Грибы? – изумился Вячеслав. – Какие же сейчас грибы?
 - Трутовики с пней! Мы проследили: отрывают, ножами режут. Одни берут, другие бросают. Червивые, что ли?
 - Дураки какие-то! Трутовики даже черви не едят!
 - И менты переодетые! Человек десять! Явно тебя пасут.
 - А на дороге и сейчас засады! С рациями! Мы радиообмен слышали.
 - И ещё пятеро у нас в сенном сарае ночевали.
 - У них аппаратура испортилась. Велено визуально отслеживать передвижение.
 - Получили команду ночью взять объект!
 - Объект – это ты, дядь Слав! – вдруг зловещим шёпотом сообщил один. – Кто же ещё?
 - Мы так и узнали, что ты здесь!
 - Уходить тебе надо!
- Говорили охотно, весело и при этом всё время озирались, рыскали взглядами по просторам, всматривались во всякое движение – всё-таки искали кого-то!
- Вы что потеряли? – между прочим спросил Ражный.
 - Мы? – братья переглянулись. – Да так, ничего...
 - У нас лодку угнали, – признался один. – И тулуп из кладовой стащили. Ты, дядь Слав, никого не видел? На лодке и в тулупе? Никто не проплывал?
 - Не видел... Пошли, парни, чаю попьём? Потолкуем...
 - Какой чай, дядь Слав? – возмутились братья хором. – Смеркается! У них же приказ! Тебе драпать надо! Спецназ!
 - Да они нас не найдут, пошли!
 - Братья переглянулись.
 - Ты на своё волшебство надеешься? – недоверчиво спросил один. – Это зря, бойцы классные, скопом навалятся, колдовство не спасёт.
 - Да мы и не верим теперь, – скромно признался второй. – Никакого волшебства на свете не бывает...
 - Верно, – подтвердил Ражный. – До ночи время есть. Попьём чаю, разговор есть к вам. Угостил бы чем-нибудь крепким, да незваные гости всё выпили...
 - А какой у тебя разговор?
 - Деловой! Забирайте мою базу с угожьями. И собаками. Просто так, даром.
 - Ты чего, дядя Слава? – испугался один. – Бесплатно, что ли?
 - Ну символически, за рубль!
- На миг у обоих загорелись глаза, но тут же и потухли.
- Зачем нам база, Максим? – спросил брат у брата, и Ражный постарался запомнить, который из них старший. – Мы же контракт подписали, аж на три года.
 - Нам служба нравится, – сказал Максимилиан. – Сейчас на три, потом можно ещё на три. Служить в стране некому стало, молодняк в армию не хочет.
 - Он в армию хочет, – поправил его старший. – Служить этому режиму не желает. Олигархи страной управляют, а чего их защищать? Такая позиция.
 - А всё равно страну защищать надо, – обречённо подтвердил младший.
 - Режим, он что, как чирей, пройдёт. А держава останется.
 - Так не возьмёте базу? – разочарованно уточнил Вячеслав. – Может, подумаете?
 - Не возьмём.

– Тут и думать нечего.
– Ты что, дядь Слав, уезжаешь насовсем?
– Уезжаю.
– И некому хозяйство передать?
– Некому, мужики. Чужим отдавать жалко. Так бы и собачек пристроил...
– Может, Баруздин возьмёт? – предположил Максим.
– Этот возьмёт! – брезгливо вымолвил Максимилиан. – И спасибо не скажет...
– Дядь Слав, скажи честно, ты что такого натворил? – шёпотом спросил старший. – За что тебя взять грозятся?

– Да вот тоже хотел Родину защищать, – многозначительно проговорил Ражный. – Не дают, земли лишают.

Братья обменялись взглядами – о чём-то посоветовались и остались довольны.

– И у нас к тебе разговор есть, – несколько торопливо заявил Максим.
– Серьёзный... Мы обрадовались, как узнали, что ты на базу вернулся.
– Мы тебя по следам вычислили!
– Ты пришёл с женщиной...
– И она обвела тебя вокруг всех засад. Интересно бы на неё взглянуть!..
– Короче, что за разговор, – оборвал Ражный.
– В общем, мы по порядку всё расскажем, а то не поймёшь.
– К нам в отряд одного молодого прислали, – сообщил младший. – На срочную призвали, но сразу же на контракт перевели. Подготовка у него – супер! По горам бегает, как барс. На скалы без верёвок лазает, даже по отрицательным уклонам.

– Мы ему кликуху дали – Моджахед.

– Хотя он русский и на таджика не похож. Только пуштунку носит.

– Ты в Горном Бадахшане служил? – вдруг спросил старший и прищурился пытливо.

– Служил, – осторожно признался Вячеслав.

– А жена была? Ну, или женщина?

Ражного словно волной горячей захлестнуло – учительница Марина! И как-то потеплело на душе: напрасно Пересвет дразнил его отроком. Как бы там ни было, а корень аракса дал побег! Пусть дикий, без отцовского окормления, но, судя по словам пограничников, волчьей крови вырос парень.

– Сергеем зовут? – сдержанно и утвердительно произнёс Вячеслав.

– Точно, Сергеем! – отчего-то восторженно сказали братья почти хором. – Только фамилия другая.

А потом уже поочерёдно спросили:

– Его мать как звали? Марина Ильинична?

– Это твой сын? Или самозванец?

– Мой сын...

– Да и на лицо вылитый ты, дядь Слав! Повадки волчьи!

– И знает, кто отец! Тебя назвал – мы аж сначала ошалели!..

– Так он с вами служит? – сдерживая радость, спросил Ражный.

Братья переглянулись.

– Служил...

– Погранец прирождённый! На запах след нарушителя брал, как зверь!..

У Вячеслава сердце ёкнуло.

– Где он сейчас?

Братья опять переглянулись, словно договариваясь, и старший успокоил:

– Живой он, дядь Слав. Только сбежал.

– Мы в секрете сидели сутки. Он ушёл втихушку, с оружием.

- То есть как ушёл?..
- Мы его спровоцировали, – признался Максим. – Случайно получилось, сами не ожидали.
- Про тебя рассказали. Что ты здесь живёшь, адрес сообщили.
- А он по тебе, наверное, затосковал. Молчаливый стал.
- Неделю помолчал и из секрета сорвался...
- Только мы сразу поняли: он к тебе наострился.
- Командир решил, его афганцы похитили. Мол, попытаются его через границу перетащить. И казнить!
- У него прошлое связано с наркотрафиком. Его и призвали, что Моджахед все тропы знал...
- Потому что хозяин продал Серёгу афганцам. Когда тому тринадцать лет было. Чтоб таскать героин через границу. Русским, мол, легче проходить. Вот командир и решил, похитили...
- Короче, рабство натуральное...
- Моджахед сначала из Афгана драпанул. Однажды послали с грузом, он и сбежал...
- Сам пришёл в отряд, – продолжал младший. – С грузом. И добровольно указал все проходы на границе. Парень призывного возраста. Проверили и призвали на срочную. Сейчас это просто делается, служить некому. Даже таджиков берут. Да он и сам просился! Служить хотел...
- А тут мы с братом про тебя рассказали. Вот и сбили с толку. Извини, дядь Слав... Не знали, что тебе самому надо в бега подаваться.
- Мы сразу поняли: он к тебе, дядь Слав, рванул. Потому что похитить его невозможно. Он живым в руки не дался бы!
- Заставу подняли, тропы перекрыли. Поисковые группы разослали...
- Только мы с Максом не в Афган, в тыл пошли. И нагнали!
- В Россию прорывался! – восхитился старший. – И с оружием. Повязать могли на первой же станции...
- Его повяжешь, как же! – заметил младший. – На станциях менты привыкли мелких жуликов ловить...
- Он и в самом деле к тебе пошёл, – доверительно и сдержанно сообщил Максим. – Хотел разыскать...
- Заряженный, закомплексованный боярином на ревизию собственной жизни и отношения с женщинами, Ражный с какой-то тревогой вдруг подумал, что и Марину не любил. Не испытывал этого зовущего и мучительного чувства, какое было к Миле. Зато даже по прошествии лет всё ещё жила в нём обыкновенная, житейская жалость к несчастной молодой специалистке, хватившей лиха на чужбине. Однако же упрямым и болезненным отношением к чувству долга: звал ведь с собой – не поехала, дескать, отработаю три года там, где трудно...
- Про свою мать что-нибудь говорил?
- Голоса братьев зазвучали как-то отдалённо, словно эхо, а в памяти всё ярче вставал образ юной учительницы из горного селения, одинокой и обездоленной, однако с комсомольским огнём во взоре...
- Сказал, в рабстве она. Русские школы закрыли, и даже язык никому не нужен...
- Везде по-своему лепечут...
- На ферме у богача какого-то местного батрачит, арыки прочищает. Там у них поливное земледелие... Батракам документов не выдают на руки, особенно русским, чтоб не сбежали. Богач этот и Моджахеда продал афганцам.
- Ражный стряхнул воспоминания.
- Он сидит?

- Кто сидит? – хором спросили братья.
– Сергей.
– Зачем ему сидеть? Мы догнали его, поговорили и отпустили.
– Автомат только забрали и пуштунку. Проинструктировали, как вести себя. Моджахед в России никогда не бывал...
– Командиру доложили, мол, нашли только пустой автомат и пуштунку... Пусть думают, что захватили и в Афган увели.
– Выходит, он дезертировал? – спросил Ражный. – А вы его прикрыли?.. Ну что сказать? Молодцы!
– Мы добро помним, – заметил Максимилиан. – Зачем его садить?
Однако старший услышал совершенно иное и вызывающе возмутился:
– Он к тебе пошёл, дядь Слав! Служить Отечеству. Так что ему прощается.
– Сергей присягу принимал?
– Да сейчас не за присягу служат! – уже обозлённо закричал Максим. – Не по долгу – по совести!
– И он к отцу побежал! Не отсиживаться, а служить!
Ражный намёк услышал, но пропустил мимо ушей.
– Где служить?! Егерем на базе?
– Хотя бы егерем, – схитрил младший и посмотрел выжидательно.
– Давно это было? – Вячеслав отвернулся, чтоб не выдавать чувств.
Старший решил, гроза миновала, и заговорил с надеждой:
– А месяца три тому назад. Ещё до отпуска. Тут он должен быть. Ездим вот, ищем...
– След уже подсекли, – вступил младший. – Лодку и тулуп Моджахед спёр, больше некому.
– И может вляпаться! Засады кругом! Засекут на реке – труба...
– Если вниз пойдёт – труба. Вверх – искать не будут.
– Ты его возьмишь к себе, дядь Слав? – с завистью спросил Максим.
– Куда? – возмутился Ражный. – Базы уже нет! Охотничьего клуба тоже...
– Как куда? В Засадный полк! – вдруг выдал Максимилиан и загадочно сощурился.
Ни Марина, ни тем паче Сергей ничего об араксах не знали и знать не могли...
– Это что за полк? – нарочито хмуро спросил Ражный.
– Не мудри, дядь Слав, – самоуверенно посоветовал старший. – Мы же за тобой давно наблюдаем, по повадкам тебя вычислили. Это пацанами считали тебя колдуном. А теперь точно знаем, ты до сих пор служишь.
– И не зря тебя сейчас обложили здесь, – заметил младший. – Ещё одно доказательство. Засадным полком власти заинтересовались...
– И ты умеешь запускать шаровые молнии!
Ражный зло усмехнулся.
– Салаги вы, фантазёры...
Братья взяли в оборот с двух сторон:
– И твой Серёга фантазёр? Ему мать рассказала! Про секретный Засадный полк.
– Дядь Слав, только не изворачивайся. Знаешь ведь, мы не выдадим. Твой родной сын уверен – ты служишь в секретном спецназе.
– И все твои предки служили! Шаровые молнии метали!
– Мы по телевизору передачу смотрели. Оказывается, человек может собирать в себя электричество. Как конденсатор!
– Не электричество, а энергию! А потом выстреливать разрядом!
– Мы тоже хотим служить, дядь Слав! – заявил Максим. – Ты же Серёгу возьмишь? И нас бери! Мы бы в этот отпуск сроду не поехали. Если бы не узнали про Засадный полк.

– Между прочим, мы всё про него в книгах прочитали! – похвастался младший.
– Какой вам полк?! – взревел Ражный. – Вы дезертиры! И трусы! Все трое! Да я вас видеть не хочу! Пошли вон!

Младший вздрогнул и чуть отступил, но старший лишь набычился и засопел.

– Мы хотели это... Отчеству служить.

– А кому служили на границе? Не Отчеству?

Парни сникли, виновато взяли коней под уздцы, но уезжать не спешили – чего-то ждали ещё. Ражный сдобрился.

– Мой совет... Отыщите Сергея, забирайте его и в часть. С повинной. Позорники...

– Неужели ты даже увидеть его не хочешь, дядь Слав? – с тоской спросил младший.

– Не хочу! Такой сын мне не нужен.

– Так ему и передать?

– Так и передать! Пока не искупит вину, видеть не желаю!

Братья сели на коней, тоскливо покружили на месте, словно выбирая направление.

– Обрадовать тебя хотели, – сказал Максим. – Думали, добрую весть принесли...

– И что, теперь никакой надежды? – безнадежно спросил младший. – И нам не видать Засадного полка?

Ражный печально глянул на свой вотчинный дом.

– Был полк, да весь вышел...

– Как это – вышел? – встрепенулись братья. – Расформировали?

– Ну да. Меня самого уволили в запас...

– Как – уволили?..

– На дембель!

Они не поверили, соскочили с коней, и Ражный пожалел, что хоть и в шутку, косвенно, однако подтвердил существование полка.

– Не может быть! В Засадном дембеля нет! Моджахед сказал, пожизненная служба...

– Мы так верили, есть полк!..

– Который в самый нужный час ударит из засады!..

– Когда уже нет ни одного полка...

– Мы свой соберём! – вдруг задиристо заявил старший. – Созовём погранцов, десантуру!..

– Сначала научитесь служить, салаги! – обрезал Ражный. – Верой и правдой!.. Марш в часть!

Братья стояли и переглядывались, весь запас аргументов закончился, обрушились последние надежды, и верить в это было для парней невыносимо.

– Дядь Слав, не нам учить... – опомнился старший. – Если плотно обложили, просто так не оставят, закатают надолго. Так что времени у тебя до темноты.

– Лучше всего уходить по реке, – посоветовал младший. – Они реку только с берегов контролируют. У тебя же резиновая лодка есть?

– С ума сошёл – на резинке? – возразил Максим. – Шугу несёт и забереги как стекло...

– За меня не переживайте, – буркнул Ражный.

Наверное, он пограничникам в сорок один уже казался старым.

– Так ведь возраст не тот, – пожалел старший. – Чтоб бегать, как в семнадцать.

И сыновьей заботливостью подкупил.

– Возраст у меня отроческий, – про себя ухмыльнулся Ражный. – Потому что холостой до сих пор... У вас-то как с женитьбой?

– Да никак, – скупно за обоих ответил Максим. – Нам служить, как медным котелкам. Потом как-нибудь оженится. Раньше дворяне сначала до сорока служили, а потом брали юных невест.

– Мы же не дворяне, – уныло поправил его Максимилиан.

– Что у вас с Милей?

Они ещё раз переглянулись – большая была тема.

– С ума сошла, – однако же сурово определил старший. – Трудная юность...

– Она же мужика зарезала. Когда пытался изнасиловать.

Говорили так, словно о чужом человеке, словно никогда не любили её: как-то уж очень скоро выветрился из Максов юношеский максимализм...

– Ладно, ищите своего дезертира – и в часть, – распорядился Вячеслав.

– Пока вас самих не повязали...

Парни отчего-то встревожились, поозирались, прислушиваясь, и старший пробросил:

– Родитель подсуетился...

Младший пояснил с сожалением:

– Бабки военкому отстегнул. Тот и продлил ещё на семь суток.

– Всё равно надо Моджахеда искать. Лодку угнал, тулуп спёр...

– А у меня там Ника тоскует, – тоскливо выдал Максимилиан. – Красавица моя...

Ражный догадался, о ком речь, и всё равно поинтересовался:

– Ника, надеюсь, твоя девушка?

– Девушка, – с пограничным достоинством согласился его старший брат. – Чистокровная немка. Разве что собачьего рода.

– Зато честнее! – определил Максимилиан. – Миля вот, например, изменяла направо и налево. Мужики к ней не шли, так похищала первых встречных. Разохотилась, сука, круглый год кобелей ищет. А сама – про новое человечество!..

Вячеслав даже не ожидал своей собственной интуитивной реакции; не сильный удар в скулу, более напоминающий пощёчину, заставил кувыряться парня по заснеженной траве. Старший тот час же отскочил и встал в стойку.

– Дядь Слав, ты чего?!

Младший умел держать удар и соображал быстро. Вскочил, отряхнулся и повинулся:

– Не хотел, дядь Слав!.. Вырвалось! На душе всё равно свербит!..

– А у кого не свербит? – вдруг с вызовом спросил Максим. – Почему сразу драться?

– Ладно, и ты меня прости, – Ражный подал руку Максимилиану. – Случайно получилось.

У меня тоже... свербит.

Тот принял извинения с холодным мужским достоинством, однако рука парня была по-юношески горячая.

– Странно, – проговорил он, ощупывая скулу. – Удара почти не было... А будто бревном шарахнуло!

– Научил бы так драться, дядь Слав? – безнадежно попросил Максим.

– Ну, хотя бы пару приёмов показал? Это же тебя в Засадном полку тренировали?

Надежды у них не осталось, но вера ещё была.

– В погранвойсках, – буркнул Ражный.

– А сейчас бесплатно почти и не тренируют, – пожаловался младший.

– Хочешь научиться – инструкторам бабки давай...

Собаки, всё это время беззаботно кружащие возле Гейши, вдруг разом насторожились и, кажется, взлетели, словно стая птиц от выстрела. Через минуту их лай уже гулко звенел в голом зимнем лесу далеко вниз по реке.

– По человеку работают, – определил младший. – Это за тобой идут, дядь Слав!

– Всё, исчезли! – приказал тот.

Братья посоветовались взглядами, как-то послушно и молча забросили поводья на шеи коней, по-собачьи настороженно взирающих куда-то в лес. Прислушались, взлетели в седла и с места взяли в галоп, направляясь в противоположную, от Зелёного Берега сторону.

Собачья свора вдруг замолкла, стайей вернулась к базе и безмятежно разлеглась вокруг рыжей, вывалив языки: лайки и гончаки давно вылиняли, носили свежие тёплые зимние шубы и, кажется, страдали от столь раннего переодевания.

– А с вами что делать? – спросил Ражный. – Взять с собой не могу. Плодить бродячих псов тоже не хочу...

Псы отпыхивались, как летом, в жару. Вячеслав вернулся на базу, поднял опрокинутое ведро и ногой обстучал все бочки, стоящие за кочегаркой. Одну и вовсе перевернул, но нацедил бензину чуть больше стакана: горючее тоже разворовали, только в баке трактора ещё что-то оставалось. Он отвернул пробку, набрал полное ведро солярки и понёс сначала к отцовскому дому. Деловито и со знанием дела облил все четыре угла, плеснул в сени, однако на гостиницу не хватило, побрызгал лишь входную дверь и крыльцо. И когда снова пошёл к трактору, услышал лай собак, оставленных на берегу, причём злобный, угрожающий, словно по крупному зверю.

По густой, малоподвижной реке плыл дощаник. Одинокий гребец в ямщицком тулупе мощно и сильно бил вёслами, нарушая мутное стынущее зеркало воды, и довольно крупная волна шевелила тонкие забереги.

Подывали и скрипели старые, разношенные уключины, и с пронзительным, гулким треском ломался лёд...

Глава 5

В келье настоятеля юродивый распрямился, гримасу страдания на лице разгладил и вытряхнул из глаз бельма – шлифованные перламутры малых речных раковин с крохотными отверстиями.

И открылись в его очах пронзительные голубые зеницы.

– Что высмотрел, Чудин?

– За одного ручаюсь, отче, – басом промолвил тот. – Плачут по нему берёзы...

– Кто?

– Послух Никитка, бондарь, пришедший с Ростова.

– Да неужто? – усомнился Сергей. – Самолично его принимал, год в чуждых жил, через послушание, правёж прошёл...

– И я давно за ним приглядывал, – согласился Чудин. – На ноготь себя не показывал. А тут весь вылез из змеиной шкуры!

– Что делал?

– Как ты с братией в храме затворился, он лапоточки скинул и пополз, ровно гадюка. По углу да на кровлю, а там к окну барабанному. Затаился и слушал. Знает, стервец, где голоса звучнее, – под сводом...

Настоятель сокрушённо вздохнул:

– Мне почудилось, голуби там, крылами трепещут...

– У сего голубя ни крыл, ни ног, а по стенам ходит. Гад ползучий, одно слово.

– Чей холоп, как думаешь? Кому служит?

– В скит его да на стряску – сам скажет, – посоветовал оживший и прозревший юродивый. – А так думаю, митрополичий. Верно, святейший знак дал слушать. Знать желает, что говорить станут в обители после его отъезда. Вот он и выказал себя.

– Добро, хоть не ордынский...

– Так и сущи меж двух огней...

– Да тут и третий распалили, скоро макушку запечёт... Ну, добро, Чудин, – Сергей надел телогрейку поверх рясы. – Ступай на паперть и зри.

Доверенный инок оттянул веки, наслюнявил и ловко вставил бельма в глаза, взял палку, превратившись в юродивого.

– Третий огонь не худо! – выкрикнул соответственно образу своему. – Особенно на зиму гляючи... Ох, огни по святой Руси! Кругом огни!

По утрам на восходе и впрямь примораживало, так что хрустела под ногами заиндевевшая трава. И глаз на минуту не сомкнув, Сергей отправился на хозяйственный двор, где уже всюю трудились оставшиеся чуждые и оглашённые. Настоятелю кланялись, не выпуская инструмента, хотя по уставу этого и не требовалось – скорее уважение проявляли. Бондарь Никитка тоже вскочил, поклонился, взирая открыто и честно, без подобострастия. Он тем часом клёпку стругом строгал, зажав её между колен, и чувствовалось, не бывало у рук его подобного ремесла. Игумен понаблюдал за бондарем издали, а потом приблизился и сказал негромко:

– Пойдём-ка со мною, отрок...

Бондарь ничего не заподозрил, напротив, вроде бы обрадовался, верно думая, оглашать зовут, то есть приближать к братскому кругу. Время от времени Сергей так же всякого чуждого отзывать, кому срок трудового послушания к концу подходил. Отложил Никитка струг, передник снял, отряхнулся и пошёл за настоятелем. А тот вывел его за ворота и прямым ходом в лес направился, в скит, что был в полуверсте от пустыни. Пока шли, ростовский послух помалкивал, однако сам настоroje был и любопытства своего никак не проявлял. Чуждые не ведали

некоторых положений устава и, покуда не сняли с них этого клейма, знали одно – во всём повиноваться и не прекословить.

В ближнем скиту на цепи сидел одноглазый и глухонемой аракс Костырь, более напоминающий великого медведя, нежели человека. Мало того, что волосатый и бородатый, так бурая шерсть по всему телу и даже на толстых перстах растёт. Игумен велел спустить его с привязи, взял с собой, и далее пошли лесом. В другом скиту ещё одного такого же немтыря с цепи сняли, по прозвищу Кандыба. У этого оба глаза были на месте, но зато рот до ушей рваный и на одну ногу припадал. Никитка идёт вроде бы без волнения, только на звероватых спутников косится. Иные лазутчики, коих приходилось сопровождать на правёж, уже по дороге начинали труситься и заикаться, ибо отараксов этих, ровно дым, угроза исходит. Хоть их взлачёные ризы одень, всё одно сразу заметно – палачи, каты, для коих человека пытать – дело обыденное.

В третьем скиту старый слепой инок обитал, вроде надзирателя за строением рубленным и двором. Немтыри тут обрядились в кожаные передники, рукавицы, ровно к исполнению кузнечного ремесла изготовились. Один встал к горну и принялся мехом огонь вздуть, другой верёвки в кованые кольца продевать, что висели на матице потолка. Послух как глянул на их занятия, так догадался, что грозит ему, но лишь побледнел слегка и вроде бы мужеством исполнился на дыбе выстоять.

Сергий уже не раз пытал его и правил, только в храмовом приделе, по-отечески, без пристрастия. Здесь же сам последил за нарочито неторопливыми приготовлениями и спросил:

– Может, без стряски признаешься? Чей ты сын, кто послал в пустынь, что вызнать велел? Глаза у послуха ровно оловянные сделались.

– Из простолюдинов я и по доброй воле пришёл из Ростова Великого, – твердеющими устами вымолвил скупно. – Мирская жизнь притомила...

– Запираться станешь, изувечат тебя каты, – с сожалением пообещал настоятель. – И всё одно вырвут правду. Не бывало, чтоб не вырывали. И я помочь ничем не смогу. Устав наш такой, искоренять двуличие. Подумай, ты ещё отроческого возраста. Не поздно и поправить жизнь, покайся. Нежели калекой доживать. Какого ты роду-племени? Кто велел в Троицкую обитель пойти? По какой надобности? Послух будто бы приуныл.

– Добро, отче, признаюсь, под чужой личиной к тебе явился. В самом деле я сын боярина Ноздри, именем Никита.

– Боярского сына в тебе за версту видать, – подтвердил настоятель. – А на что тебя родитель в монастырь спровадил?

– Сам себя я спровадил, – упрямо заявил послух, однако голосом дрогнувшим. – Невеста у меня была, Евдокия Стрешнева... Её отец за другого отдал.

Подобные слова настоятель не раз уже слышал: измышлённые причины скудны были, что у ордынских лазутчиков, что у митрополичьих людишек.

– А что ж ты на кровлю храма забирался да слушал?

– Из любопытства, – уже неуверенно пролепетал Никитка.

Настоятель устало махнул инокам:

– Вздымай его, Костырь...

Палачи умели по губам читать, взяли послуха под руки, с маху уронили на колени и связали за спиной локти. Тот противился изо всех сил, багровел, но вырваться из медвежьих лап катов не мог. Вздёрнули чуждого на дыбу, но и от боли не сломался тот. Лишь закричал и полез из него сокрытый гнев, а не правда.

– До смерти пытай, огнём пали, ирод! Не боюсь я тебя, игумен! Дай срок, сметут твою пустынь! Огнём пожгут логово! И всех иноков по деревьям да воротам развешают!

– Гляди-ко, не ошибся Чудин, – сам себе сказал Сергий. – А у меня сомнение было...

– Коль разослал свою братию по другим монастырям да скитам, думаешь, не найдут? – между тем продолжал грозить лазутчик. – Не покарают?! Да каждый твой инок поимённо известен! Ты супротив кого исполчился, игумен?!

Тот помрачнел, однако даже увещевать пробовал:

– Я-то знаю, супротив кого. А вот ты, человек веры православной, земли Русской, супротив своей матери пошёл. С ордынцами спутался. А изменник хуже супостата.

– Боярского рода я! – вдруг выкрикнул чуждый. – И с ордынцами не путался!

– Так бояре тебя заслали? – вцепился настоятель. – Мою обитель порушить?.. Давно я слышу про неких московских бояр, что супротив меня и монастырей моих восстают. А вот уж и лазутчиков засылают... Ведомо ли тебе, отрок, родитель твой Ноздря и сродники в сговор с Ордой вступили? И не желают теперь избавляться от власти ордынской. Тайно супротив князя Дмитрия идут и вредят ему. Сим вероломным боярам и так добро, от дани избавились, лукавые, в рабство татарам продались. Их холопами стали! След ли этим гордиться, отрок? Да и бояры ли они мужи, коль с супостатами в сговоре?

Примолк горделивый боярский сын, в гневе проговорившись, висел и лишь глазами взду- тыми вращал.

– Хочешь жить, скажи, зачем послали, – предложил Сергей. – И бояр московских назови, кто обесчестился связью с врагом.

Чуждый воспрям, выдавил сквозь зубы:

– Не стану помогать тебе, игумен... Лучше смерть приму.

– Примешь, коль станешь упорствовать, – пообещал тот. – Жаль тебя, отрок, по недо- мыслию ты согласился татарам служить вкупе со сродниками и иными боярами. Они тебя в полымя вместо себя сунули. Я ведь всё одно дознаюсь про раскольных. Не ты скажешь, другие их подлые имена назовут. Костырь с Кандыбой подсобят небо до овчинки укоротить. Кривда супротив правды никогда не стояла.

Чуждый ещё колебался, из двух зол выбирал меньшее и по незрелости своей юной выбрать никак не мог. За шкуру свою опасался, ведал, что дело творит несправедное, мерзкое, но и помнил, должно быть, клятвы, данные своим сродникам. Тогда Сергей Кандыбе рукой махнул. Палач достал из огня калёный прут железный да легонько по рёбрам чуждого попежил. Встряхнулся лазутчик, и выбор сделал неожиданно скоро, вспотел разом, заблажил дурниной:

– Скажу!! Пощади, отче!! Спусти на пол! Назову изменников! Его спустили с дыбы, холодной водой окатили. И тот, сломленный, боязливый, трепещущий, стал имена боярские выкликать, от древности и сановитости коих сжималась душа игумена.

Двуличие и предательство, ровно смрадный дым курились вокруг Великого князя Мос- ковского, и смрад сей выдавался за благовония, за мудрое руководство в сношении с Ордой. Что не замыслит Дмитрий, дабы от тягла ордынского избавиться, в тот час становится известно хану. И в тот же час следует упреждающий набег, после коего ещё много дней дымятся головни от городов, до чиста спалённых. И остаются многие сотни погубленных безвинно людей, страдают уведённые в татарский плен отроки, которых ворог ловит, ровно добычу лёг- кую, дабы потом вскормить зверёньшей.

Не эти раскольные бояре, давно б с ордынской волей сладили... Настоятель для верности записал имена изменников, а лазутчика предупредил:

– Ежели с умыслом оговорил кого, в другой раз с дыбы мёртвого спустят. А куда здесь на цепи посидишь. И немедля более, заражённый думами тяжкими и гневом праведным, после- довал в обитель, разводя палачей по разным скитам и вновь сажая их на привязь. В монастыре игумен позвал гоношу-порученца, дал ему условный тревожный знак – свои чётки-листочки, отняв от них третью часть, велел скакать к князю Дмитрию, не жалея лошадей, дабы к концу дня тот извещён был. Однако грамоту с ним слать и сообщать имена изменников поопасался: неведомо, в чьи руки может попасть и письмо, да и сам гонец. Тот же умчался в Москву, а

Сергий вошёл в алтарь, открыл потайную дверцу, за которой хранилась Книга Нечитаная, и её не обнаружил. Знать, старец приходил подземным ходом и унёс к себе в келейку.

Ходов из алтаря нарыли несколько, и все на случай внезапного нашествия недругов Троицкой обители, коих было довольно и ещё прибавлялось. Вот уж раскольники московские бояре грозятся спалить пустынь, о чём проговорился в гневе лазутчик Никитка. Можно было незаметно покинуть подворье и храм, равно и проникнуть в них, минуя ворота и всякий чуждый призирающий глаз.

Дабы не привлекать к себе внимания, старец часто пользовался ходами, и не только тем, что связывал келью отшельника с храмом, но иногда незаметно уходил из пустыни по одной ему ведомой надобности и так же возвращался.

Всяческая пытка с пристрастием, особенно в скиту, вводила игумена в изнеможение и чувство, словно в чужой грязи, в нечистотах выкупался. Поэтому он сходил в натопленную чёрную баньку на хозяйственном дворе, попарился веником, омылся щёлоками, прихватив с собой горящих угольев, удалился в свою келейку. Однако сил растопить камелёк уже не было, затворился и уснул сидя, привалившись к стене.

Да недолго почивал игумен, и часу не миновало, как в дверь постучали.

– Отче, в лесу оборотня поймали! Проснись, отче! К тебе рвётся – удержу не знает!

После бани настоятель озяб в нетопленной келье, вышел, подрагивая, на улице же первый снежок в купе с последней листвой закружило, ветер с полуношной стороны пронизывает насквозь. А молодец ражрый под уздцы красного коня держит и стоит в одной рваной холстяной рубахе, на опояске кривой засапожник в ножнах, за спиной топор ледяным лезвием к телу льнёт. И как шапчонку снял, так от головы пар повалил – эдакий горячий. Да не только шапку перед игуменом сломал, на удивление и поклонился, строптивый!

– Не поймали меня, – сказал. – Сам приехал к заступнику своему, отшельнику вашему. Который коня необъезженного дал и Пересветом нарёк! Да вот не застал старца...

Караульные иноки и впрямь не держали его, напротив, опасливо сторонились, выставив медвежьи рогатины.

– На что тебе старец потребовался? – хмуро спросил Сергей, взирая на его босые ноги: снег под ступнями таял...

– Мать послала, – с неким неудовольствием молвил оборотень. – Велела ехать в вашу пустынь, иноческий сан принять. И служить по долгу и совести.

– Чуждых не принимаем ныне, – заявил настоятель. – Много вас иноческого сана домогается, но устав наш строгий. Ступай отсюда подобру-поздорову да более приходить не смей.

– А я не к тебе и пришёл, – вновь стал дерзить ражрый. – Матушка к ослабленному старцу послала. У него и попрошусь!

– Нет старца, – скрывая неприятие своё, проговорил настоятель. – И в обитель послухов принимаю я, игумен, а не отшельник. Ежели охота не пропадёт, весной приходи.

Оборотень рассуждал с ярым достоинством:

– Стану я до весны ждать! Мне в сей час надобно матушкину волю исполнить, слово дал. Потом явится и спросит. Суровая да гневливая она у меня, по своему уставу живёт. Да и зимовать нам с красным конём негде. Так что принимай в своё войско!

Сергий внутренне насторожился, но виду не подал, мимоходом посоветовал:

– К своей матери зимовать поезжай, коль разыскал.

Ражрый отступать не собирался:

– Разыскать-то разыскал, да не пристало мне с нею под единой кровлей жить. Обычай претит. У меня вон уж борода растёт! Через день засапожником бреюсь.

– Неведомы мне ваши волчьи обычаи! – возмутился уже игумен. – Ступай куда-нито. Хоть в лес под колоду.

Отрок знакомо захохотал:

– Да под колодой – то я без твоего совета перезимуую! Перед матушкой след не опорочиться. Так что укажи, в какой келейке мне поселиться и куда коня поставить. Коль ты брать не желаешь араксом, старца дождусь. А он непременно возьмёт в своё воинство. Ибо сказывал, полезен буду. Имя новое дал!

На лазутчика он не походил, но кто знает, каких людишек спроворил себе Киприан в сговоре с патриархом Филофеем? Незамысловатые московские бояре-заговорщики под видом несчастного, обездоленного жениха, сына боярского заслали. А нрав нового митрополита незнаем, зато патриарший введом: подобный молодец, коему даже сам Ослаб поверил, в лазутчики и годится. Такой всюду залезет, проникнет, просочится, поскольку разум остёр и за словом в карман не лезет.

Недурно бы и попытать его, покуда отшельника нет...

– Ну, коль старец сказывал, полезен будешь, заходи пока в мою конуру, – позволил Сергей. – А коня пускай на конюшню отведут. Посидим, потолкуем, а там и место тебе сыщем.

– Давно бы так, – ухмыльнулся оборотень, не узрев подвоха. – А то сразу со двора гнать!

Потрепал красного по шее, что-то пробурчал ему в ухо, отдал повод послуху и первым в келью шагнул. Игумен дверь за ним захлопнул, иноки сначала колами её подпёрли, потом для надёжности ещё бревно принесли и придавили намертво. Прислушались, тихо сидит, не рвётся, не кричит.

Настоятель ещё и караул выставил, слушать велел – нечто подобное он со многими чуждыми проделывал. Для начала в затворе выдерживал несколько суток, а сам за поведением следил, что делать станет. Пытка такая хуже дыбы и палачей: когда человек взаперти надолго остаётся вне ведения о судьбе своей, сам себя истязать примется. И начинает источаться из его нутра всё скрытое, подлое и мерзкое, как гной из раны.

Затворил он ражного и хлопотами скоро забыл про него. След было готовиться к приезду великого князя. Уже на вечерней службе вспомнил, хотел поспрашивать караульного, каково там сидельцу, да вежда с вежевой башни сообщил, мол, Дмитрий с Митяем и малой свитой верхами едут, полночь в монастырь придут, ибо скажут стремглав, получивши известие от гонца.

Князь чуял измену иных больших бояр, да только уличить лукавых не мог, так изворотливы были заговорщики. Тут же случай представился вывести их на чистую воду, вот и спешил не упустить.

Вместе с известием совсем не до чуждого оборотня стало, след было изготавиться к приёму гостей, в первую очередь с Ослабом посоветоваться. А у него, как назло, оконце тёмное, будто завешано чёрной тряпицей. Старец мог удалиться по делам своим тайным, в кои даже настоятеля не посвящал. Иногда исчезал надолго, бывало, помесяцу отсутствовал, бродя невесть где, но больше попросту ходил на прогулки, ночной лес слушать, птиц, когда пели, смотреть на ледоход, если весной. В предзимье же редко покидал жилище, поскольку зяб на холоде, цепенел и замирал, не в силах сдвинуться с места. Поэтому чаще сидел, склонившись над столом, читал тайные знаки в Книге Нечитаной и доступным письмом излагал.

Тревожить его в такие часы даже по важным делам никто несмел.

Игумен уповал на то, что Ослаб вот-вот объявится, то и дело выглядывал за ворота и в хлопотах вовсе забыл про оборотня. Но полночь, когда вежда сообщил о приближении князя со свитой, чуждый внезапно сам объявился, неким образом выйдя из узилища.

– Добро я выспался! – заявил он, возникнув за спиной. – Давай, игумен, или принимайся спрашивать меня и испытывать, коль есть нужда, или сразу приставляй к делу. Я хоть и новобранец, да зато так драться умею, твоим араксам не чета.

– Тебя кто выпустил из кельи? – Сергей своего изумления скрыть не мог.

– Сам вышел, – признался тот и носом потянул. – Недурно бы и потрапезничать. Слышу, варёным мясом напахнуло, поросятинкой с хреном. На меня по ночам волчий жор нападает.

Или утра ждать? Иноки сказывали, у вас едят по уставу. Я к сему не свычен, есть люблю, когда потребно чреву.

– А караульные где же?..

– Не знаю, отче, – легкомысленно отмахнулся чуждый. – Не видел. Должно, отлучились...

Ну так дадут мне снеди какой или нет?

В монастыре только редкие послухи ко сну отошли, иноки не спали, к приезду великого князя готовились, баню топили, в поварне мирскую пищу варили, для чего поросёнка закололи. Чуждый опять носом потянул, верно, теперь унюхал банный запах и говорит:

– Ну, без еды до утра стерплю, надо к уставному житью привыкать. Вот в баньку бы пока сходил, попарился! Позволь, отче, как у вас там по уставу? А то я много дней лесами ехал, в холодных речках только умывался.

Настоятель же был настолько ошеломлён, что в первую минуту не нашёл, что и ответить оборотню. Вот-вот князь со свитой нагрянет, а тут чуждый на дворе! И что с ним делать, неведомо. Кое-как справился с замешательством, бросил сердито:

– Не для тебя топлено!

– Для кого же, – простодушно спрашивает тот, – коль не для братии? Не гостей ли ты ждёшь, игумен?

– Ступай-ка прочь! – прикрикнул Сергей. – Не до тебя ныне.

– Ага, всё-таки гости! – догадался чуждый. – Великий князь едет! Вот у него и попрошусь, раз ты не берёшь.

– В иночество путь через послушание! А ты чуждый, и даже не послушник!

– На что мне послушание? – изумился он. – Когда меня ослабленный старец сам позвал? Имя дал – Пересвет! Матушке поглянулось... И науке воинской мне учиться не надобно! Сам кого хочешь могу научить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.